

Ростов-город,

Ростов-Дон...

К 135-летию со дня рождения Николая Парамонова.

К 100-летию со дня рождения Анатолия Софронова.

К 100-летию со дня рождения Александра Суичмезова.

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2011

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**РЕЛЬЕФНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**РЕДАКТОР ПО БРАЙЛЮ
В. И. МАРТЫНОВ**

**ФОТОГРАФИИ:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Т. Н. КОНДРАТЕНКО**

**БРАЙЛЕВСКИХ ЛИСТОВ: 90
УЧЁТНО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛИСТОВ: 3,8**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

СОДЕРЖАНИЕ:

Самое ценное изобретение.....

«Донская речь».....

Памятник песне.....

На всю жизнь.....

*Возвращенье? Нет, не возвращенье!
Это больше, чем вернуться вновь,
Это больше, чем просить прощенье
За годами смятую любовь.*

*...Пальмы. Кедры. Пальмы. Эвкалипты.
Жёлтые пампасы с двух сторон...
Всё, что прицепилось и налипло –
Отмывает, отмывает Дон.*

*Как же эта сила сохранилась
Через годы странствий и смертей?
Не взяла меня, не подкосила,
Не смешала с мелочью затей...*

*...А моя полынь... Полынь на склонах.
Горький запах. Горечь на губах.
На стерне туман лежит за Доном,
Он полынью горькою пропах.*

Анатолий Софронов

САМОЕ ЦЕННОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Когда-то Алексей Максимович Горький, которого у нас начали подзабывать, сказал, что *«книга, быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворённых человеком»*.

Сказано, возможно, пафосно, но, в общем-то, верно.

То же самое относится к журналам и газетам.

По данным ЮНЕСКО самым ценным изобретением ушедшего тысячелетия названо книгопечатание.

Первые надёжные сведения о существовании письменных средств массовой информации относятся к временам Древнего Рима. Дошли до нас упоминания Светония об «Acta diurna» («Ежедневных отчётах») – рукописных листках-бюллетенях, извещавших о событиях в Риме.

Например, о таких:

«В четвёртый день апрельских календ были молния и гром, вскоре после полудня молния ударила в дуб, росший на вершине Велия. А в нижней части улицы Януса, в таверне, произошла драка, в которой хозяин медведя был тяжко изувечен. Народный смотритель рынка Титаний оштрафовал мясников, продававших неосвидетельствованное мясо. На деньги штрафа будет воздвигнута капелла при храме Теллы».

С распадом Римской империи в Европе стало не до газет. Цивилизация сделала шаг назад, государства измельчали, гражданам теперь хватало устных новостей в виде сплетен.

В богатых семействах средневековых городов держали слугу, в обязанности которого входило отпрапляться с утра пораньше в город, вострить уши и слушать, что болтают.

Посланец прибывал со свежими новостями и докладывал о них за завтраком, дабы его господин, выйдя из дому, был в курсе дел. Устная утренняя сводка получалась гораздо полезнее письменных сообщений: среди господ-то – грамотных людей тогда было немного, а уж среди слуг и подавно!

В XIV веке поэт Боккаччо, находясь в богатом Люттихе (нынешний Льеж – Бельгия), не сумел обнаружить во всём городе даже чернил – их не держали за ненадобность.

Неудивительно, что первая газета новой эры появилась там, где грамотных было больше, – в Китае.

Начиная с IX века, в Пекине издавалась регулярная газета на шёлке жёлтого оттенка. Именно такая вот «жёлтая» пресса может считаться прародительницей современной периодики.

Пекинская газета выдержала испытание временем. В течение 1000 лет(!) выходила и выходит себе по сей день – всё на том же жёлтом шёлке, что и пилотный номер.

Слово «журнал» имеет в своей основе латинский корень, можно перевести как «ежедневник».

Происхождение же слова «газета» спорно. Существуют две версии: парижская и венецианская. В Венеции издавались рукописные листки: «Notizie Scritte» и «Fogli di avvizi», докладывающие народу о важнейших событиях в республике. Стоимость обеих равнялась одной «gazzetta» – мелкой венецианской монете. Отсюда и название.

И другой вариант. Первые репортёры разживались сведениями, прислушиваясь к болтовне лакеев, дворецких, кухарок и горничных из богатых домов. У публики такой сборщик новостей получил кличку «gazza» – сорока, болтушка, сплетница.

Один сметливый парижанин доктор Ренодо стал издавать сборник новостей «Gazette». Издание не имело постоянных подписчиков, его разносили по домам богатых людей. Плату принимали, чем дадут: давали деньги – хорошо, предлагали хлеб и вино – и этим не брезговали. Позже Ренодо стал продавать газету на улице, беря по 1 су за номер. Шустрого эскулапа и его изобретение приметил кардинал Ришелье. Оценив перспективу проекта, он принял «Gazette» под своё покровительство.

***

В России газетно-журнальное дело было начато Петром Великим.

27 декабря 1702 года царь-реформатор приказал напечатать «Юрнал» с сообщением о ходе осады крепости Нотебург. Меньше чем через неделю, 2 января 1703 года, вышел первый номер «Ведомостей о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Русском государстве».

Первый тираж составил 1000 экземпляров, стоимость 1 номера – 2 копейки. Можно было выписать парижские и амстердамские газеты, но подписка стоила сумасшедшие деньги – 18 рублей.

Несмотря на то, что Пётр обладал, вообще-то, весьма действенными методами убеждения, подписную кампанию он провалил.

В розницу «Ведомости» раскупались плохо.

Ревизоры Синодальной типографии через полвека нашли в подвале более 11 тысяч экземпляров «Ведомостей» за разные годы. Рассудив, что с неликвидом уже ничего не поделаешь, их распорядились частью пустить на обёртку, частью отправить на бумажные мельницы.

Вот так...

***

В истории цивилизации немало примеров, когда новые идеи или изобретения поначалу расценивались как плоды досужего ума, не имеющие практической пользы, хотя жизнь последующих поколений без них была бы невыносимой.

Так случилось и с книгопечатанием.

В 1640 году группа компетентных лиц, исследующая печатный станок – изобретение Иоганна Гутенберга, пришла к выводу, что дело это бесполезное и будущего у него нет и быть не может. Столь запелляционное суждение обосновано сугубо прагматическим соображением: число лиц, умеющих читать, было столь малым, что вполне хватало книг, переписанных монахами.

Смеяться над группой компетентных лиц, а тем более обвинять её в недалёковидности вряд ли разумно: часто и сами изобретатели не в состоянии представить все последствия созданного ими.

Но с книгопечатанием – случай особый.

Исследователи изобретения Гутенберга, по всей видимости, оказались всё-таки недостаточно компетентны и вряд ли знали о судьбе множества текстов, которые погибли именно потому, что не получили – выражаясь современным языком – достойного носителя.

Достаточно вспомнить приписываемую сподвижнику пророка Мухаммеда халифу Омару I сентенцию: *«Если во всех этих книгах написано то, что и в Коране, то они абсолютно не нужны. А если в них написано нечто другое, то они не нужны тем более!»*

И со спокойной совестью сподвижник ненужные книги уничтожал...

Но времена, к счастью, меняются, и не всегда мракобесие стоит во главе пирамиды.

***

В сборнике, который Вы, уважаемый Читатель, держите в руках, издательский сектор нашей библиотеки рассказывает о своих старших братьях – о трёх маститых представителях печатной профессии. О ростовчанах.

Каждый из них оставил заметный след в истории.

Николай Елпидифорович Парамонов.

Анатолий Владимирович Софронов.

Александр Михайлович Суичмезов.

Второй и третий из нашего списка – поэты, драматурги, главные редакторы серьёзных журналов.

Софронов – обосновался со временем в столице; известен тем, что создал знаменитую библиотеку «Огонёк» и написал несколько культовых песен.

Суичмезов из Ростова никуда не уезжал; его все знают, как одного из самых лучших краеведов Дона.

Первый же из списка – сам ни стихов, ни комедий-трагедий не писал; конкретно – ни редакторством, ни краеведением не занимался.

Но именно ему, наверное, должны быть благодарны все донские издатели XX столетия за отменно налаженное дело книго-, газето- и журналопечатания.

И все читатели дореволюционной России.

Софронов и Суичмезов – ровесники, по 100 лет каждому в этом году.

Путь в литературу начинали с рабочей профессии. Оба во время войны надели военную форму. Оба – партийные деятели. Оба воспевали социализм. Оба отстаивали интересы советского государства. Оба в своё время прославились своими пьесами.

Жили не бедно, но – по сравнению с Парамоновым – жалкая нищета.

Парамонов – эмигрант. До революции тоже воспевал социализм.

Советскую власть никогда не признавал – хотя, справедливее сказать, это она его не признала. Во время войны помогал оказавшимся на чужбине россиянам.

Софронов и Суичмезов окончили в Ростове филологический факультет. Гуманитарии.

Парамонов – поучился сначала в Московском университете, не угодил властям, и пришлось завершать образование в Киеве. Он получил диплом юриста. К тому же – великолепно разбирался в экономике и технике.

Парамонов на 30 лет старше Софронова и Суичмезова. То есть, мало того, что жил при другом строе, так ещё и просто представитель другого поколения. Другие взгляды на жизнь, другие оценки хорошего и плохого.

Софронова и Суичмезова называли в перестроечный период партийными функционерами и приспособленцами. А писать они, мол, вообще не умели!

Это, конечно, неправда.

Случались и неудачи. Не без этого.

К примеру, критик Котовсков отмечал: *«Но бывает и так. В 1984 году в журнале «Дон» появилась повесть А. Суичмезова «Майские дожди», где сюжет и герои – из его пьесы «Свежий ветер» о столкновении двух принципов и стилей партийного руководства селом.*

Истинно художественного произведения, к сожалению, не получилось, ибо все проблемы и конфликты только названы, но не воплощены в живых человеческих характерах. Один критик хорошо тогда заметил, что «сейчас появилась целая волна прозы, которая работает на «отвалах» деревенской очеркистики 60-70-х годов».

Но спектакль Ростовского драмтеатра – именно по суичмезовской пьесе – показали по центральному телевидению, а софроновский «Брянский лес...» звучал с каждого патефона.

О Парамонове при советской власти – вообще никогда не вспоминали, хотя пол-Ростовской области и сегодня живёт и здравствует за счёт бывших парамоновских капиталов.

Но роднит этих, в общем-то, совсем разных людей, одно – они очень любили столицу Юга России – наш Ростов-на-Дону.

И живший здесь Александр Суичмезов, и уехавший в Москву Анатолий Софронов, и – из очень дальнего далека – вспоминавший свою молодость Николай Парамонов.

Не зря Софронов написал:

*...Пальмы. Кедры. Пальмы. Эвкалипты.
Жёлтые пампасы с двух сторон...
Всё, что прицепилось и налипло –
Отмечает, отмывает Дон.*

***

На сегодняшний день наиболее представительной демонстрацией «чуда из чудес» является Международная книжная ярмарка во Франкфурте-на-Майне – родине Иоганна Гутенберга – самая крупная в мире.

Франкфурт считается финансовой столицей не только Германии, но и всей Европы, поскольку здесь размещается Центральный банк ЕС и спорит с ветрами 298-метровое здание Commerzbank – самое высокое на континенте.

И всё же главная слава города на Майне – старейшая и крупнейшая в мире книжная ярмарка. Первые упоминания о ней относятся ко времени изобретения Гутенберга.

Открытие ярмарки состоялось в 1754 году. Устраивалась она дважды в год, и типографы специально приурочивали выпуск новых книг к этому циклу. Вольный дух крупного торгового центра притягивал к себе книготорговцев, покупателей и инакомыслящих.

Самым знаменитым из них был виттенбергский монах Мартин Лютер.

После того, как он в 1517 году прибил к дверям собора свои знаменитые 95 тезисов против торговли индульгенциями, католические иерархи объявили его еретиком. Но Франкфуртская книжная ярмарка дала ему возможность представить свои труды, с которых, собственно, и начался в Европе процесс Реформации.

В глухое средневековье, вплоть до XVI века, ярмарка оставалась очагом либерализма и веротерпимости.

Со временем в работе престижного мероприятия станут принимать участие и российские книгоиздатели, литературные критики и библиоведы.

***

Не исключено, что Николай Александрович Рубакин – единственный в истории России человек, причиной эмиграции которого стал составленный им библиографический указатель.

В 1906 году Рубакин выпустил первое издание знаменитого рекомендательного указателя «Среди книг», в который включил немало трудов Маркса, Энгельса и русских социал-демократов; что после событий 1905 года казалось если не «противуправительственной» акцией, то вызовом властям.

Второе издание указателя, вышедшее в 1911-15 годах, содержало раздел «О большевизме», литературу для которого отобрал лично Владимир Ленин. Он же почтил это издание рецензией в журнальчике «Просвещение», где дал высокую оценку и одновременно «отменно навтыкал» автору за «буржуазный объективизм».

Впрочем, иначе Ильич, наверное, просто не умел...

Для студентов библиотечных вузов эта ленинская рецензия была сакральным текстом, её заучивали чуть ли не наизусть, как «Отче наш»...

Книговед, книголюб и книгочей, Николай Александрович Рубакин всю сознательную жизнь занимался теорией и практикой самообразовательного чтения. Он, как никто другой, ясно видел, что сложившаяся в России система образования «мало приспособлена к широкому распространению

просвещения в огромной стране, ибо сохраняет сословный характер и плотные входные фильтры».

Самообразовательное чтение Рубакин полагал единственно возможным в российских условиях способом распространения знаний.

После революции он вернулся на родину и дожил до 1946 года на незаметном положении. С 1930 года его практически отстранили от дел и назначили пенсию – режиму нужны были молодые горлохваты, а не 68-летний книговед с дореволюционным либерально-буржуазным стажем...

А в эмиграции Николаю Рубакину посчастливилось побывать на Франкфуртской ярмарке и к своему удивлению найти там свои произведения, выпущенные в Ростове-на-Дону издательством «Донская речь».

Восторгам книговеда-профессионала не было предела! Это ведь те самые книжечки для самообразования народа, о которых он столько мечтал: *«Это дело замечательное, это то, без чего мужику русскому – ну, никак!»*

Чем же так порадовало Николая Александровича Ростовское издательство?

***

*

«ДОНСКАЯ РЕЧЬ»

*Выбирать книги для своего
и чужого чтения –
не только наука, но и искусство.*

Н. Рубакин

В редком фонде Донской публичной библиотеки хранится уникальная коллекция – около 250 наименований – тоненькие, всего в 20-30 страничек, брошюрки. На обложках – броско, крупным шрифтом набранные – фамилии авторов и названия произведений.

А внизу значится: *«Издание Н. Парамонова «Донская речь» в Ростове-на-Дону»* и ещё – по-крупнее – цена: однозначная цифра.

Полностью эти книжечки не сохранились ни в одном книгохранилище.

Можно привести массу негативных доводов по адресу перемен, происходящих в нашей стране в последние десятилетия.

Но, во всяком случае, одно позитивное начало во всём этом российском бардаке имеется: нам возвратили многие, на долгие годы несправедливо забытые, имена.

Николай Елпидифорович Парамонов.

Родился он 24 апреля 1876 года.

Писатель Владимир Лидин говорил, что в пору детства его поколения, одним из тех пахарей, которые широко раскидывали семена просвещения, был издатель Парамонов.

Книжечка за книжечкой – потоком шли из дешёвой библиотечки Ростова-на-Дону, где находилось его издательство.

Имя Николая Парамонова являлось длительное время запретным для историков, в том числе и для исследователей книжного дела.

Кто же он такой?

Парамонов был владельцем газеты «Донская речь». Так же он назвал и своё издательство.

И был он такой, ростовский издатель, тогда – в начале прошлого века – на всю Россию один единственный.

Первым понял, что лишь доступная, поистине народная книга проникнет в самые глухие углы и найдёт нового читателя. Дешёвая библиотечка Парамонова сослужила немалую службу на ниве добра и разума.

Младший сын казака Нижне-Чирской станицы Елпидифора (вот такое странное редкое имя) Трофимовича Парамонова – крупнейшего донского предпринимателя, хлебо- и виноторговца, владельца мельниц и пароходов, председателя Ростовского биржевого комитета – Николай принадлежал к новому поколению россиян, откровенно тяготившихся докучливой опекой власти и стремившихся самим определять свою судьбу – да и судьбу страны тоже.

На Руси появились купцы типа Морозовых и Мамонтовых, очень мало напоминавшие купчин из пьес Александра Островского. А отсюда – и столкновение с властями, и поддержка тех сил, которые веками расшатывали самодержавие.

Поступив в университет в первопрестольной, Николай сразу же окунается в студенческое забастовочное движение! Два раза сидит под арестом. Горд этим страшно! В конце концов, московским властям он надоел, и его выслали по месту жительства в Ростов-на-Дону под негласный надзор полиции.

Путь в столичные вузы теперь закрыт, и юный бунтарь выбирает юрфак Киевского университета.

В справке Донского охранного отделения Департамента полиции говорилось, что Парамонов *«во время забастовки в Главных мастерских Владикавказской железной дороги в ноябре 1902 года (знаменитая ростовская стачка – ред.) принимал активное в ней участие путём раздачи денег и муки»*.

А ещё он жертвовал немалые суммы и на освобождение членов Донского комитета РСДРП, и на содержание тайных типографий, и на выпуск революционной литературы.

А в одном из рабочих районов Ростова он устроил воскресную школу, где открыто велась революционная пропаганда...

Своеобразную характеристику даёт Николаю бывший товарищ по университету, социал-демократ И. Н. Мошинский: *«...Это прелюбопытнейшая фигура в русской революции. Крупный капиталист! Человек американской складки, механизировавший свои рудники в Грушёвском антрацитном районе по последнему слову техники, он имел пристрастие ко всем крупным затеям... Даже в революционном подполье!»*

И всё же имя Николая Елпидифоровича Парамонова ассоциируется прежде всего с основанным в январе 1903 года предприятием «Донская речь».

Издательское дело Парамонов развернул с присущим ему размахом, как отмечали современники, *«без малейшего налёта провинциализма»*.

Поставив перед собой задачу сделать хорошую, дешёвую и общедоступную книгу, капиталист-организатор повёл своё дело очень энергично, за год выпустив более 60 наименований и получив разрешение ещё на 100 с лишним. Цена – от полкопейки до десяти.

Кто выписывал книг на 3 рубля – имел скидку, не платил за пересылку. Книжные магазины тоже пользовались 30 % скидкой.

Издательство получало письма с просьбами о высылке книг с Камчатки, из Якутии и Русской Америки! И ещё – из 9 зарубежных стран.

Заказы «Донской речи» на растущий поток продукции размещались в 11 типографиях Ростова и Нахичевани.

По разнообразию и количеству печатной продукции, её дешевизне, числу продаж и скорости доставки в самые отдалённые уголки империи и за рубеж «Донская речь» заняла ПЕРВОЕ место в стране и не разу его не уступила!

Публиковались в основном произведения «с направлением», повествующие о мрачных сторонах российской действительности; хотя значение этих рассказов выходило, разумеется, далеко за рамки «социального» содержания.

Читателя привлекал главным образом удачный подбор литераторов.

Прежде всего, «Донская речь» отдавала первенство известным именам: Леониду Андрееву, Ивану Бунину, Александру Куприну, Михаилу Лермонтову, Дмитрию Мамину-Сибиряку, Александру Пушкину, Антону Чехову.

Среди выпусков – 30-тысячный тираж сборника «Зарницы» со стихотворениями Николая Некрасова, Ивана Никитина, Скитальца, Алексея Константиновича Толстого.

А ещё вся та плеяда, которую объединил Максим Горький в своих знаменитых сборниках «Знание», так или иначе прозвучала и у Парамонова. А к именам знаньевцев присоединились и имена Н. Рубакина, А. Эртеля, П. Якубовича и таких прогрессивных писательниц, как В. Дмитриева и А. Крандиевская.

Многие литераторы, зная с какой быстротой доходит парамоновская книжечка до читателя, полагали за честь предоставить «Донской речи» право первой публикации. Так, к примеру, поступил Куприн с повестью «Молох».

Но не забывал Парамонов публиковать и произведения начинающих, ещё малоизвестных авторов. Подобным образом появилась первая брошюрка на русском языке рассказов Ивана Франко (перевод по просьбе издательства сделан Лесей Украинкой).

Так вот книжечки «Донской речи» помогали многим молодым «писакам-бумагомарателям» стать в будущем гордостью отечественной литературы.

Газеты и журналы того времени обратили внимание на новое имя.

«...Нельзя не приветствовать это новое книгоиздательство, за короткое время, выпустившее в свет целый ряд небольших, удачно выбранных художественных рассказов старых и молодых русских беллетристов, дав, таким образом, возможность ознакомиться с ними самому широкому кругу читателей. Изящно и заботливо изданные, все эти рассказы напечатаны на хорошей бумаге чётким шрифтом и замечательно дёшево...», – отмечал «Мир Божий».

А вот отрывок из статьи «Русских ведомостей» (которым не понравился дизайн): *«Внешняя сторона рассматриваемых изданий оставляет желать лучшего. Что же касается цены книжек, то с этой стороны издательская деятельность «Донской речи» представляет на нашем книжном рынке исключительное явление. Так дёшево у нас ещё не издавались книги. Цена книжек беллетристического содержания – 1; 0,5; 2; 3; 4 и 5 копеек. И только в редких случаях она поднимается до 10 копеек. Нельзя не пожелать дальнейших успехов этому полезному предприятию в области народного книгоиздательства.»*

В журнале «Образование» появился сочувственный отзыв о первых 23 книжках «Донской речи». Автор статьи Вера Величкина отметила, что на состоявшейся осенью Выставке северного края России издательство было награждено Медалью I степени.

В то же время Главное правление по делам печати в своих циркулярах с пометкой «Секретно» отмечало, что брошюры, изданные «Донской речью» *«с значительной тенденциозной окраской, распространение которых среди читательской массы представляется крайне нежелательным.»*

А нежелательным, потому что Николай Парамонов нахально напечатал «Песню о Буревестнике» Максима Горького – запрещённую цензурой революционную пропаганду...

А ещё «Донской речи» удалось перехитрить ревизоров и выпустить в свет три острых публицистических произведения Льва Толстого «Исповедь», «Стыдно!», «Неужели это так надо?» и два фрагмента из романа «Воскресенье» («О смертной казни» и «Экзекуция»).

После 1905 года Парамонов перенёс значительную часть своей деятельности в Петербург: там было лучше налажено само распространение книг, а также складывались более лёгкие цензурные условия.

За всю историю дореволюционного российского печатного дела «Донская речь» была наиболее страдавшим от цензуры издательством!

Административное разрешение на книги Парамонов получал, как правило, в Ростове-на-Дону. Однако встречаются издания с печатями Екатеринослава и Одессы (а позднее, и Петербурга).

А в Питере к тому времени было уже 16 типографий.

Николай Елпидифорович смертельно устал от бесконечных проверок.

В начале января 1905 года он фиктивно продал своё дело своему же приказчику А. Сурату, надеясь этим развязать себе руки для новых грандиозных планов.

Некоторые книги «Донской Речи» стали выходить под маркой «Книгоиздательская фирма А. Н. Сурат» и «Книгоиздательство «К свету». Фактически они всё так же принадлежали Парамонову.

Характерны названия некоторых сборников, выпущенных в то время: «Песни борьбы», «Песни рабочей жизни», «Песни труда». В разгар русско-японской войны тиражом в 15 тысяч вышел сборник «Песни мира» – яркие антивоенные произведения русских и иностранных поэтов.

«Донская речь» охотно печатала переводную литературу. Среди зарубежных авторов – испанцы, участники республиканского движения П. Аларкон и Б. Ибаньес, итальянский писатель гарибальдиец Д. Амичис, немец М. Кретцер, французы Э. Золя и О. Мирабо, польская писательница Э. Ожешко и многие-многие другие...

На социально-политические и исторические темы первое время издавались произведения либеральных авторов, но по мере приближения к 1905 году их вытеснили работы А. Бабеля, Ф. Лассалья, К. Либкнехта, К. Маркса.

Особая активность издательства приходится на годы первой русской революции. В этот период «Донская речь» выпускает такие вещи, как «Крестьяне в Государственной Думе», «Ответственность министров в конституционных государствах».

Революция подтолкнула к переизданию большими тиражами агитационных брошюр пропагандистов-народников. И Парамонов начал массовый выпуск листовок объёмом в 4 страницы. Они отпускались книжным магазинам и складам по 40 копеек за сотню, а в розницу продавались по полкопейки за экземпляр.

Написаны были листовки популярным языком для не очень подготовленного читателя: «Что такое всеобщее равное, прямое и тайное избирательное право?», «Что такое свобода слова и печати?», «Как надо расходовать народные деньги?», «Что такое тайная подача голосов?»

Не обошла вниманием «Донская речь» и работы по истории России и зарубежных стран.

Главное место среди таких изданий занимает литература по истории революционного движения.

Николай Парамонов финансирует первый в XX веке историко-революционный журнал «Былое», хотя гриф «Донской речи» на нём и не значится. Журнал выходил в Петербурге. Его успех был ошеломляющим, тираж составлял 28 тысяч экземпляров.

Всего (до очередного запрещения) вышло 22 номера.

В перестройку издали репринтные номера «Былого». Они очень интересны!

Увидели свет 17 выпусков журналов «Народная жизнь», «Народный вестник» и «Отклики современности».

Ещё одно историко-революционное издание – «Русская историческая библиотека». Она выходила в 1907 году, как в Ростове, так и в Петербурге. Всего – 21 выпуск. Хронологически публикации охватывали период с 1801 по 1907 год. В основном это отчёты о политических процессах, воспоминания свидетелей и перепечатка нелегальных изданий. По инициативе Парамонова библиотека представила серию биографий революционных деятелей А. Желябова, А. Михайлова, С. Перовской, П. Пестеля.

В «Русской исторической библиотеке» были переизданы три тома сборников В. Богучарского «Государственные преступления в России в XIX веке», представляющие собой материалы политических процессов с 1825 по 1877 год, а также три тома (в 4-х выпусках) приложений к ним (нелегальные издания 1860 – начала 80 годов).

Многочисленные собратья Николая Елпидифоровича по книгоиздательству не могли понять, как у человека, который, собственно не ставит целью получение прибыли(!), она, эта самая прибыль (несмотря на смехотворную цену), всё возрастает!

А всё дело в том, что Николай Парамонов был предпринимателем от Бога. Имел искорку, или как тогда говорили, «живинку в деле». У него получалось всё, за что бы он ни брался.

...К слову сказать, наверное, таких «дельцов с душой артиста» ждал в новую Россию Антон Павлович Чехов.

Успех «Донской речи» объяснялся эффективной и очень умелой организацией издательского дела. Отделения, склады и магазины были открыты в Варшаве, Вятке, Киеве, Москве, Одессе, Петербурге, Саратове и Харькове.

Идеально была отлажена связь с границей. Достаточно сказать, что разница – в начале продажи какой-либо новинки в Ростове и Лондоне – составляла 3 дня. В Нью-Йорке – 7.

А авиапочты тогда не было.

Но то, что терялось на цене, компенсировалось за счёт тиража и скорости оборота.

Разрешите вот здесь сделать небольшое отступление.

Литературовед Вадим Кожин пишет: *«С 1901 по 1933 год русские писатели не получили ни одной Нобелевской премии, и, значит, если опираться на «общепризнанный критерий достижений», русская литература находилась тогда в полнейшем упадке.*

А ведь в действительности тот факт, что Толстой, Чехов, Пришвин, Иннокентий Анненский, Василий Розанов, Александр Блок, Вячеслав Иванов, Сергей Есенин, Михаил Булгаков, Андрей Платонов и другие их современники не были удостоены премии, должен тревожить вовсе не русских людей, а шведов, ибо их академия продемонстрировала тем своё убожество».

Ну, почему не получили, в общем-то, понятно: сначала Первая мировая война, потом революция, потом США не признавали СССР.

Но ведь Нобелевский комитет всегда хвастался тем, что он вне политики! Что же, читать разучились? Ведь существовало же и в Швеции отделение издательства «Донская Речь», где все эти авторы были представлены!

Так что, либо – насчёт ума – убожество, либо – насчёт политики – враньё.

Но мы отвлеклись.

Прекрасно работал у Парамонова рекламный цех. Как правило, каждая книжечка «Донской речи» сама была источником информации. На обложках печатались списки изданий, находящихся в продаже.

Ну, и, конечно же, без богатейшей эрудиции и культуры самого издателя такого резонанса издательство бы не получило.

На цветных обложках «Донской речи» рядом с символом – гусиным пером – изображены или подросток в лаптях, или крестьянин. Оба – с развёрнутыми книжками в руках.

Именно к этим читателям и были обращены брошюрки ростовчанина Николая Парамонова.

И лишь на обложке книжки Николая Рубакина «Искорки», выпущенной в 1905 году, нарисован титан с молотом в руках, разносящий в обломки здание самовластья...

Михаил Васильевич Сабашников, один из самых просвещённых российских издателей того времени всегда предлагал коллекционерам-библиофилам собирать главное, то есть то, что дошло до читателя!

«Донская речь» выпускала книжки, которые именно доходили до читателя.

Сохранилось воспоминание Викентия Вересаева: *«Книг за мою жизнь у меня вышло порядочно, а если вы спросите, какие из них всего дороже мне, я назову, пожалуй. книжечки, выпущенные в своё время издательством «Донская речь»... ведь так глубоко проникали в народ эти парамоновские книжечки, а стоили всего одну копеечку, дороже трёх копеек «Донская речь» и не выпускала... помнится, только, что «Соколинец» Короленко стоил семь копеек. Сожалею, что не сохранилось у меня ни одной из этих моих книжечек».*

К сожалению, и полный каталог изданий «Донской Речи» до нас не дошёл. Перечень книг, выпущенных издательством, опубликован в четырёх номерах журнала «Былое» – № 11 и 12 за 1906 год и № 1 и 4 за 1907-й.

Всего за 4 года издательство выпустило более 500 названий книг и брошюр.

Но российские власти – не обычный российский читатель.

Власти очень давно точили на «Донскую речь» зуб за крамольный характер, однако серьёзные неприятности у Николая Елпидифоровича начались с середины 1907 года.

В конце концов, его чудесное издательское дело прекратилось в связи с большим судебным процессом.

В дом Николая на Екатерининской улице залезли воры. Настоящая это была попытка ограбления или провокация всё тех же властей – неизвестно. На месте преступления обнаружили книжный склад – три квартиры, битком набитые книгами. Полиция насчитала несколько сот тысяч экземпляров.

63 брошюры следователи выделили как *«особо возмутительные»*.

Издательство закрыли. Парамонова и его компаньона Сурата взяли под стражу, но затем освободили под залог, первого – в 40, второго – в 2 тысячи рублей.

Следствие тянулось три с половиной года, а следственное дело составило 68 томов. Бюрократы без работы и тогда не сидели!

Наконец, в мае 1907 года Новочеркасская судебная палата дело рассмотрела.

Обвинительный акт рисует действительно впечатляющую картину систематической антиправительственной пропаганды!

Палата признала подсудимых виновными по четырём статьям уголовного уложения и приговорила Парамонова к 3, а Сурата – к 2 годам заключения в крепости.

Но Парамонов не был бы Парамоновым, если бы не сумел перехитрить власти и на этот раз!

Отбывать наказание осуждённым не пришлось.

Поскольку распространение «вредных» книг продолжалось по всей стране, то началось новое следствие.

Цель же талантливых, а потому и очень дорогих, адвокатов была очевидной – дотянуть судебные тяжбы (ещё 95 томов!) до торжеств по случаю 300-летия Дома Романовых.

Юбилейный год должен был ознаменоваться амнистиями.

И это удалось! Дело поступило в судебную палату 19 марта 1913 года, и Парамонов с Суратом по ковровой дорожке прямиком от приговора пришли к амнистии...

Они возобновили издательскую деятельность; однако обновлённая «Донская речь» просуществовала всего несколько месяцев, так как, естественно, Елпидифор Трофимович был – мягко говоря – Николаем Елпидифоровичем очень недоволен.

Под давлением отца сын издательство продал. (Попутно заметим, что у нового владельца ничего не вышло.)

А Елпидифор Трофимович покупает у ростовского писчебумажного магната И. С. Панченко бездоходный рудник Власовка в Александро-Грушёвске (ныне – город Шахты) с наставлением «*сицилисту-Кольке*» сделать его доходным.

Здесь-то Колька и развернулся, поставив угледобычу на мировом техническом уровне по лучшим американским образцам!

Молодой образованный хозяин смотрел гораздо глубже и шире отца. Веяние времени улавливал более тонко.

Шахта эта строилась по проекту родственника Парамоновых профессора Санкт-Петербургского Горного института А. А. Скочинского и была одной из самых крупных. Она славилась на всю страну. Некоторые механизмы без ремонта отработали почти весь срок службы шахты (например, четырехэтажная клеть).

Побывавшие на руднике инженеры свидетельствовали, что 242-саженная шахта – самая глубокая в России, а по техническому уровню соответствует самым лучшим шахтам Англии и Германии.

Николай дал ей имя в честь отца – «Елпидифор» (в советское время – имени Артёма).

Он сумел ввести самые высокие ставки для шахтёров и самые высокие расценки на продажу угля государству, чтобы «*передать небольшую часть прибавочной стоимости на развитие культуры своих рабочих*».

Производство расширялось, доходы росли.

В 1913 году Николай Парамонов появляется на руднике «Несветай» (угольные посёлки на месте нынешнего города Новошахтинск) и добыча угля здесь значительно расширяется.

Он заложил первые пять крупных шахт (одна из них – имени Ленина – работала до последнего времени), проложил железнодорожную ветку Несветай – Горная, построил первые 48 каменных казарм для рабочих и 4 коттеджа для администрации.

На руднике была открыта школа, организовано общество трезвости, работал кинематограф. Представители интеллигенции проводили вечера для рабочих.

Парамонов умел эксплуатировать, но оставил о себе хорошую память, потому что критерий разума, пользы – был основным в его действиях.

Он никогда не унижал подчинённых!

Получив свободу действий, в шахтёрских премудростях Николай Елпидифорович преуспел настолько, что интерес к издательству улетучился, и, казалось, навсегда...

А ещё ему понравились строить, и преуспевающий бизнесмен оставил в наследство родному городу несколько роскошных особняков и Николаевскую городскую больницу. Все основные постройки больницы (ныне – старые корпуса Медицинского университета) возведены на средства этой семьи.

Также эта фамилия неотделима от истории Донского судоходства.

Тем временем умирает основатель династии. Его место в семейной фирме, которая теперь называлась «Е. Т. Парамонова сыновья», занял старший брат Пётр. Но только – номинально: хватки младшего брата он не имел и оставил себе регалии помощника.

Проживали братья в Ростове в доме на Малой Садовой (ныне ул. Суворова, здание Налоговой полиции). Это были фактически два дома: покупал отец, позднее пристроили ещё часть. Первый

этаж занимала контора товарищества; на втором – жилые помещения. В левой половине обитала семья Петра, в правой – Николая. На втором этаже был проход из одного дома в другой.

К 1918 году капитал младшего брата составлял 22 миллиона рублей – и разрешите напомнить, что российский золотой рубль тогда был выше фунта стерлингов, а доллар вообще за валюту не считали.

Миллион братья пожертвовали на дело обороны во время Первой мировой войны. Тогда же Парамонов-младший был полностью реабилитирован. Произошло это при забавных обстоятельствах.

Во время посещения нашего города Николаем II Пётр Парамонов оказался среди *«лиц, встречающих императора»*.

Государь протянул руку и ему. Растерявшийся купец полез в боковой карман, достал оттуда банковский билет в сто тысяч рублей и вложил в царскую длань. У Николая брови поползли вверх, но (императорская выдержка!) он молча посмотрел на деньги, передал их адъютанту и затем вторично протянул руку. На этот раз Пётр сообразил, что для рукопожатия.

На следующий день в местных «Ведомостях» было опубликовано Всемилоостивейшее восстановление Николая во всех правах, судимость с него снималась.

***

...Сегодня имя Парамонова включают в ряд таких издателей, как Иван Дмитриевич Сытин, Александр Филиппович Смирдин и братья Михаил и Сергей Васильевичи Сабашниковы; и не только включают, а даже ставят во главе этого ряда.

Трудолюбие и настойчивость, с какими он отбирал к печати одну за другой эти маленькие, проникавшие в самую глубинку, книжечки, заслуживают глубокого уважения.

Так почему же имя создателя «Донской речи» не значится в энциклопедических словарях? Почему так долго оно было под запретом и для историков, и для исследователей книжного дела?

Вот почему.

Период революции и гражданской войны...

В судьбе известного издателя было всё: и подполье при большевиках; и участие в сборе средств для поддержания Добровольческой армии; и арест немецкими оккупационными властями; и интернирование в Брест-Литовск; и борьба с атаманом Петром Красновым.

Недолго побывал он и в министерском кресле, и в должности заведующего отделом пропаганды Особого совещания при Деникине.

Однако программа кадета Парамонова – привлечь к работе в отдел пропаганды социалистов – поддержки командования не встретила, и он подал в отставку.

***

Поздней осенью 1919 года у ворот Ростова уже стояла конница Будённого. Катастрофа деникинской армии была не за горами.

Семья Парамоновых под покровом ночи покидала дом на Малой Садовой.

Сели в автомобиль, добрались до «Ростов-Товарной» и в одном из последних поездов уехали в Новороссийск.

...Белый пароход отчалил от берега и поплыл в Турцию. Назывался он «Принцип» – единственное, что осталось от некогда богатейшего парамоновского имущества. А везут на нём рухнувшие надежды и мечты.

Остальные пароходы, рудники, особняки и мельницы остались роскошным подарком новой власти.

Всё, прошлого больше нет. Семья Парамоновых в Россию больше никогда не вернётся. Не на «Принципе», не из принципа.

У российского предпринимателя начались эмигрантские скитания.

Парамоновы жили какое-то время в Константинополе на средства от парохода, курсировавшего по маршруту Поти-Батуми. Николай в это время помогал генералу Врангелю.

В начале 1921 года, когда надежд вернуться в Россию не осталось, семья перебирается в Берлин в уверенности получить задатки (переведённые ранее), за оборудование ещё довоенных шахт – но мнение о немецкой пунктуальности оказалось значительно преувеличенным.

Ничего Парамоновы не получили, война все списала.

Что же делает сметливый казак в период гиперинфляции? Он скупает доходные дома, пустыри (очень чётко рассчитав бурное развитие автотранспорта и автосервиса) и строит там гаражи, мастерские и заправки.

Это был великолепный манёвр, и за несколько лет Николай Елпидифорович восстанавливает свой статус.

В числе богатых российских людей занимается благотворительностью и живёт безбедно.

Эмиграция существенно поменяла взгляды, и бывший бунтарь теперь поддерживал дружеские отношения с атаманом Красновым, с которым в 1918 году он как остро конфликтовал!

О «Донской речи» не вспоминалось, хотя некоторые книжки издательства в доме были; часть из них приобрёл уже в эмиграции.

Сын Парамонова – Елпидифор в честь деда – рассказывал, что вообще отец не любил вспоминать о тех изданиях, которые подрывали старый строй, и не раз говорил: *«Эх, были молодыми да не тех людей слушали; теперь расхлёбываем...»*

Некоторое время сотрудничал он в издательстве «Логос», выпускавшем «Архив русской революции».

Но в политической деятельности Николай Елпидифорович почти не участвовал, разве что иногда бывал на эмигрантских мероприятиях.

Так, он присутствовал на печально известной берлинской лекции, во время которой двое черносотенцев пытались застрелить бывшего кадетского лидера Павла Милюкова, а в результате убили Владимира Дмитриевича Набокова – отца знаменитого писателя.

Парамонов был среди тех, кто задержал террористов.

Единственной, по-видимому, организацией, в которой он принял некоторое участие, было «Братство русской правды», ставившее своей целью вооружённую борьбу с большевиками – вплоть до террора.

Приход к власти нацистов в 1933 году поначалу никак не отразился на жизни Парамоновых.

Главу семьи вызвали в гестапо на «беседу», поинтересовались настроениями, отношением к большевизму и – почему-то – к украинскому вопросу. И всё.

Но 22 июня 1941 года раскололо эмиграцию.

Кто-то связывал надежды на освобождение России от большевизма с Гитлером, для кого-то же подобный путь был неприемлем.

Николай Елпидифорович Парамонов отклонил предложение нацистов вернуться на родину (разумеется, с возвращением принадлежавшего ему имущества) и заняться *«восстановлением экономики при новом порядке»*.

Он этот порядок не признал.

А сын Елпидифор (талантливый инженер) отказался от профессуры, так как это требовало получения германского гражданства и – как следствие – прямой путь в ряды вермахта и военные действия против бывшей Родины.

Тогда ещё белоэмигранты, даже отказавшиеся от сотрудничества с нацистами, преследованиям не подвергались – были лишь введены ограничения на поездки в прифронтовую зону.

А судьба ударит Николая Парамонова ещё раз. Всё имущество, включая богатейший архив, сгорит во время Второй мировой войны.

Потрясение окажется слишком тяжким, и 1943 году врачи отправят его на лечение. Бывший издатель вместе с женой Анной Игнатьевной перебрался в Чехословакию – в Карлсбад.

Так, после окончания войны Парамоновы оказались в советской зоне оккупации.

Ничего хорошего это не сулило. Начались аресты эмигрантов.

Квартиру Парамоновых разгромили – и оставили недвусмысленную записку. Ведь ещё в 1928 году Николай был объявлен в СССР лидером *«инженеров-вредителей по Шахтинскому делу»*, хотя прямых доказательств не находилось.

А ко всему и дочка вышла замуж за выпускника Ленинградского института книговедения (будущего протоиерея Д. В. Константинова) – впоследствии (к большому сожалению!), технического руководителя издательско-типографского дела Центра пропаганды Власовской армии под Берлином.

Так, что оснований у советской власти считать Парамонова врагом народа было достаточно.

Пришлось скрываться.

Не дожидаясь своей очереди на нары, Парамоновы сумели получить разрешение на поездку в американскую зону. Откуда, разумеется, не вернулись.

Потом перебрались в небольшой баварский городок Байройт.

Вновь семья у разбитого корыта.

Опять парамоновский бизнес был уничтожен просто физически – дома и гаражи по большей части либо разрушены, либо остались в Восточной Германии.

И вот тут неожиданный – и финальный – вираж делает издательский бизнес Парамонова.

В 1946 году Николай Елпидифорович вновь затевает *«книжки для народа»* – для десятков тысяч соотечественников, оказавшихся в лагерях для перемещённых лиц, так называемых «Ди-Пи». Он понял, что люди изголодались по печатному слову на русском языке. И если он может помочь, то...

На этих брошюрах, конечно же, не стояла печать издательства «Донская речь», однако внешне они удивительно напоминали своих старших сестёр. Это снова были произведения классиков – Гоголя, Крылова, Лермонтова, Пушкина, Чехова.

Никакой политики! Ни слова о классово-борьбе!

Но вот первую книжку с изображением иконы Николая Угодника конфисковала американская администрация, посчитавшая недопустимой религиозную пропаганду.

Поначалу русский издатель был и корректором, и наборщиком, и рекламным агентом.

Встала проблема с русским шрифтом – русский издатель решил и её. Он послал Фора – Елпидифора – в город – *«на менку»*, вручив две банки американской тушёнки, одну из которых сын и променял у немецких наборщиков на русский шрифт – кириллицу.

А вторую – съел сам, о чём молчал 40 лет!

Брошюрки в лагерях расходились мгновенно. Цена, понятное дело, опять-таки была чисто символической, иначе заключённые просто не смогли бы себе позволить такую роскошь, как книга.

Неизвестно, сколь долго издавал бы Парамонов русскую классику, если бы не прогрессирующая болезнь сердца.

21 июня 1951 года он умер.

Праха русского предпринимателя, книгоиздателя и просветителя Николая Елпидифоровича Парамонова покоится на городском кладбище баварского города Байройта.

Могила его и в настоящее время содержится в полном порядке.

***

«Парамонова учила госпожа «конкуренция», - писал современник, - военная и предвоенная конъюнктура, именно это и заставило его кроме рудника построить кирпичный завод, завод подков, брикетную фабрику и химзавод, работавшие на военные поставки.

Либерал, будучи типичным представителем класса буржуазии, который стремился к политической власти, пытался приспособиться к рабочему движению и играть в нём роль.

...На подковном заводе в 1912 году была создана первая в городе большевистская организация, которая к 1917 году выросла до 70 человек.

...рудник Парамонова стал центром всего передового, что имелось в городе Александровск-Грушёвском. ...Здесь, 3-го марта была создана народная милиция, создан первый совет рабочих и солдатских депутатов, здесь, на Парамонове в 1920 году 5 января, создана первая комсомольская организация. Здесь были первые самые массовые митинги рабочих, первая свободная маевка в 1917 году. И недаром парамоновский рудник называли революционным островом среди белогвардейского моря».

Парамонов олицетворял собой тех людей, которых он хотел видеть у власти в стране: деловых, разумных, думающих о завтрашнем дне.

То, что произошло в 1917 году, было конечно, ударом – новая власть не нуждалась в Парамоновых.

Судьба этого человека очень трагична.

Строй, пришедший на смену самодержавию, лишил его самого дорогого – Родины.

О таком ли результате своей просветительской деятельности мечталось? Большевистский режим не намеревался строить свои отношения с гражданами на основе демократических свобод, равноправия и конституционности – то есть на основе всего того, о чём было написано в большинстве книг, выпущенных самым знаменитым российским издателем накануне и во время русской революции.

Тяжко было осознавать такое, а особенно вдали от родных берегов...

***

Наряду с Донской публичной и Научная библиотека Ростовского госуниверситета собирает и бережно хранит издания «Донской Речи», ставшие сегодня библиографической редкостью.

А находится сейчас эта библиотека в особняке, построенном в 1914 году Николаем Елпидифоровичем Парамоновым.

Здание возведено по проекту молодого архитектора Леонида Фёдоровича Эберга на улице Пушкинской.

В феврале 18-го именно со ступенек этого изумительного парамоновского дворца начался тот самый «Ледяной поход» армии Корнилова.

Дадим слово нашему краеведу Любови Феоктистовне Волошиновой:

«О безупречном вкусе владельца свидетельствует строгость пропорций, единство объёма и деталей, чётко выдержанный неоклассический стиль.

...По светским гостиным тут же разносится слух, что миллионер построил этот особняк в подарок горячо любимой жене.

Но жить в этом доме счастливой семье оставалось недолго.

9 февраля 1918 года перед домом Парамонова, а точнее – перед штабом белой Добровольческой армии – выстраиваются в последний раз 5 тысяч офицеров и юнкеров и под командованием Корнилова уходят за Дон, в степи.

После этого здесь 74 дня продержался Ростово-Нахичеванский комитет.

8 мая того же года здание снова занимает белогвардейский штаб. За особняк идёт борьба между основными силами гражданской войны, как будто он символизирует спокойствие, само-

достаточность и надломленную красоту уходящей эпохи. Одни пытаются её отвоевать, другие – навсегда уничтожить.

В августе 1918 года газета «Приазовский край» сообщает о пожаре в доме Парамонова. К 1923 году особняк восстанавливают и объявляют народной собственностью. В нём размещают то клуб строителей, то институт по переливанию крови, то Краеведческий музей.

Особняк сильно пострадал во время Великой Отечественной войны, но стены и часть колонн уцелели.

В 1947 году по ходатайству Ростовского государственного университета здание восстанавливают и передают под университетскую библиотеку.

Постепенно южная часть бывшего сада застраивается гаражами, сараями, складами. Во время «войны с заборами» сносят красивую ограду. Двор особняка перестает существовать. Постепенно разрушаются колонны, особенно с южного, самого живописного фасада, облупливаются стены, ниши окон уродуют кондиционерами.

...Кричащее несоответствие формы и содержания. Неудобство от того, что как будто бы зашёл в чужой дом без приглашения.

Сказка для немногих, ставшая былью для всех, вызывает только грусть».

Горько сознавать, но сегодня этот особняк, великолепный образец архитектуры неоклассицизма, находится в ужасающем аварийном состоянии.

В настоящее время библиотека РГУ поставила определённую цель – собрать все сохранившиеся книги, которые издавал Николай Парамонов в России и в Германии, и в полном объёме воссоздать картину просветительской деятельности одного из самых талантливых издателей XX века.

Две книги, вышедшие в Байройте («Избранные стихотворения» Михаила Лермонтова и «Олеся» Александра Куприна) подарил Научной библиотеке сын Парамонова – Елпидифор Николаевич.

«Думал ли отец, начиная издательство, что о деятельности его вспомнят через столетие? Наверное, нет, да никто тогда и не думал, во что выльются мечты о переменах... Издательское дело он любил. И недаром его последнее дело было издательским...», - написал в книге отзывов библиотеки приехавший в 2000 году в Россию (по приглашению наших краеведов) Елпидифор Парамонов.

***

Заканчивая наш рассказ, хочется отметить, что судьба разбросала представителей этого рода по всему миру – Германия, Соединённые Штаты, Франция, Испания, Аргентина...

Вспоминая Воланда, можно лишь ещё раз удивиться: «Вопросы крови – самые сложные в мире» – например, племянницы Николая – дочери сестры Агнии (Рязановой) – вышли замуж – одна за сына живописца Константина Евгеньевича Маковского, а вторая – за племянника композитора Петра Ильича Чайковского.

Живут потомки Парамоновых и в Ростове – это уже русско-чешский род Царда.

***

...А школа, построенная для детей шахтёров, стоит на Артёме и по сей день. Дома, в которых жили инженерно-технические работники, тоже целы.

Цела и больница.

А вот разрушенную в войну огромную парамоновскую мельницу за все годы – советской власти, перестройки, демократии и чего там ещё – так до ума и не довели...

***

*

ПАМЯТНИК ПЕСНЕ

*Анатолий Софронов – настоящий комедиограф,
у него полно юмора и комедийной выдумки.
Ему не нужно искать сюжеты,
они у него роятся в голове.*

Николай Погодин

«Пьесы, стихи, очерки, песни... Ни один из этих жанров не предстаёт пасынком в творчестве известного советского писателя...»

Донские стихи, написанные ещё в довоенные годы, богаты красками, как богат ими наш удивительный край. Они полны той свежести, которую всегда несут немного зеленоватые, степные воды Дона. В стихах поэта всегда есть добрая лукавинка, весёлая казачья шутка», - так характеризует этого человека библиографический сборник «Писатели Дона».

***

*Мы жили в этом городе,
Дружили в этом городе,
Ходили в этом городе гулять.
Как шли мы с разговорами,
С гитарой, с переборами,
Любили мы подружкам напевать:*

Припев:

*Ростов-город, Ростов-Дон,
Синий звёздный небосклон,
Улица Садовая,
Скамеечка кленовая,
Ростов-город, Ростов-Дон.*

*Пришла война суровая,
Зажгла огни багровые,
Хлебнули мы свинцового дождя.
И, оставляя город наш,
Любимый, светлый город наш
Мы в сердце уносили, уходя...*

Припев.

*Но вот вернулись снова мы,
Давя врага подковами,
Сметая каски вместе с головой.
Наш город – слава новая,
Наш город – жизнь суровая,
Идём мы вновь знакомой мостовой.*

Припев.

Кому из ростовчан не знакома эта песня?

Написал стихи эти представитель нашего Донского края.

Поэт.

И не просто поэт, а именитый писатель и драматург.

Анатолий Владимирович Софронов.

Ростсельмашевец, опробовавший творческие силы в заводских кружках. Завершивший литературное образование в педагогическом институте – он совершенствовал его в битвах Великой Отечественной войны.

Был ранен. Долго лечился. В госпиталях начал писать пьесы.

При жизни назван Героем Социалистического труда, удостоен Государственных премий России и СССР.

В течение 30 лет возглавлял очень популярный журнал «Огонёк». Был секретарём правления Союза писателей СССР.

А в памяти народной остался как автор текстов «Ростов-город, Ростов-Дон...» и «Шумел сурово Брянский лес...», которые распевала вся послевоенная Россия.

Родился он в Минске, 19 января 1911 года. Недолго жил с родителями в Сибири. Детство и юность будущей знаменитости прошли в станице Усть-Медведицкой, в Новочеркасске и в Ростове-городе.

Наверное, потому всё его творчество пронизано любовью к Донскому краю, к бескрайней ковыльной степи и гордо несущемуся по ней дончаку.

Он всегда с большой гордостью говорил о том, что принадлежит к творческой интеллигенции и педагогической общественности Ростова – уникального по своеобычности, неистребимым традициям и колориту – культурного центра Юга России.

То, что нынче стало модно выпячивать в биографии, Анатолию в его юности приходилось скрывать и замалчивать. Его отец Владимир Александрович – из потомственной семьи юристов. Служил в белой армии. Потом – старшим военным следователем Северо-Кавказского военного округа.

Владимир Софронов не ушёл в туманные морские дали вместе с бегущей Белой армией, а поверил слову большевиков и остался в родном ему Ростове-на-Дону.

Но в 26-м его расстреляли.

Веры, выстраданной вместе с народом в военные годы, Анатолий Софронов никогда не менял. Не менял он её и при возможности использовать личное горе на потребу политической конъюнктуры. А ведь это – вся его сознательная жизнь, омрачённая семейной трагедией.

Ведь и в честность и воинскую честь отца сын верил безоговорочно тоже и всю жизнь пытался узнать что-либо о его судьбе.

Но реабилитировали Владимира Александровича Софронова лишь 14 апреля 1992 года.

А тогда, в 29-м, Толику пришлось бросить школу, дабы помогать маме. Через биржу труда попал он на «Ростсельмаш».

А мама Анатолия, Адель Софронова, происходила из семьи прибалтийских немцев Гриммов. По семейному преданию, она состояла в родстве со знаменитыми братьями-сказочниками.

А его бабушка когда-то приехала в Россию из Франции.

Знали в начале 30-х в цехах завода-гиганта русоголового фрезеровщика, который во время перемены собирал вокруг себя товарищей и читал им свои стихи.

«...невольню у тебя гулко забьётся сердце, если вдруг увидишь комбайн с маркой «Ростсельмаш».

...Многое и, пожалуй, самое яркое в моей жизни связано с «Ростсельмашем». Может быть, поэтому я с таким вниманием постоянно слежу за трудовыми успехами родного мне коллектива, радуюсь его удачам, горжусь его славными делами.

Я пишу о заводе, на котором вырос и который стал действительно моим университетом. Не потому, что обрёл когда-то там рабочую профессию, а потому, что там была настоящая школа гражданской выучки...»

*Пусть будет табель заводской бессрочен
И вечен в сердце заводской устав!
Я никогда не откажусь от прав
Считать себя пожизненно рабочим,*

- напишет он уже редактором «Огонька».

Это теперь вокруг завода вырос большой район Ростова. А тогда двери цеха, в котором раздавался голос молодого поэта, выходили прямо в степь, к древним казачьим курганам.

За ними – за станицей Аксайской – сверкал на зелёном займище Дон. Весной донская поляя вода, затопив степь и луга, охватывала Ростов.

А тогда Толик редактировал заводскую малотиражку. Тогда же вышла первая поэтическая книжка «Солнечные дни».

С той поры стихи и песни поэта-ростсельмашевца давно перешагнули границы Дона.

Параллельно Анатолий окончил филологический факультет Ростовского пединститута.

От литературного объединения донского комсомола делегирован на I съезд советских писателей, где удостоился встречи с самим Максимом Горьким. В то время это было высочайшим благословением.

Но первому взлёту помешала война.

Повестки из райвоенкомата начинающий поэт ждать не стал.

Из добровольно ушедшей на фронт большой группы ростовских писателей составила редакция нескольких армейских газет.

Софронов начинал свой боевой путь под Смоленском в редакции газеты «К победе!» 19-й армии под командованием Ивана Степановича Конева. Тогда это было главное направление войны: враг рвался к столице.

И в первые же месяцы боёв в 19-й армии погибли многие из ростовских товарищей Анатолия. Был среди них и Александр Бусыгин, друг Шолохова и Фадеева, пулемётчик с бронепоезда времён гражданской войны. Он и теперь, в минуту опасности, первым бросился к пулемёту, да так и погиб за его щитком, расстреляв до конца ленту.

Может быть, о Саше Бусыгине вспоминает Софронов в своей новой песне: «*Мы тихого Дона, родимого Дона и в жизни и в смерти сыны*», которую привёз из военного госпиталя в 5-й казачий кавалерийский корпус. После, приезжая из Москвы на фронт в Донской кавкорпус (уже военным корреспондентом «Известий»), он будет и привозить – туда, и увозить – оттуда – новые песни и стихи.

Вот одно из стихотворений военной поры. Вроде бы очень простые строчки, а читаешь – просто мороз по коже:

*День был и страшным и трудным,
В зное, в пыли деревенской;
За день сгоревшая Рудня –
Семьдесят вёрст от Смоленска.*

*Пламень метался багровый
С крыш на сухие деревья...
Перед закатом корова*

С поля вернулась в деревню.

*Пахло травую дурманной
Тяжко набухшее вымя.
Было ей дико и странно
Видеть проулки пустыми.*

*Мы подошли корову.
Трое.
Гремя котелками.
Трое.
В огнище багровом.
Трое.
Мужскими руками.*

***

Но вот, наконец, и она, долгожданная Победа!
И Софронов пишет весёлое стихотворение «Бурка».
Из каски, пробитой пулей, выбежал ручей; а на старом винограднике уже появились молодые побеги.

Так почему бы теперь влюблённому казаку и не намекнуть лукаво подруге, укутывая её полой прострелянной бурки:

*Если дует, то сквозняк –
След немецкого осколка –
Не могу никак зашить:
То для бурки нет иголки,
То тонка для бурки нить.*

***

Потом Анатолий Владимирович попадает в Главное политуправление. Литература захватила без остатка. В освобождённом Ростове он знакомится с драматургом Александром Корнейчуком. Рука об руку работает в Союзе писателей СССР с Александром Фадеевым, тоже ростовским человеком, создавшим, кстати, в 1925 году журнал «Дон» (тогда – «Лава»).

А потом – загорелся в его судьбе «Огонёк».

За плечами уже остались и дороги войны, и послевоенные дороги, часто обозначенные в его стихах не только адресами нашей страны, но и адресами других стран.

На страницах журнала ежегодно появляется немало интересных статей и литературных заметок писателя-публициста. Всем известны его зарубежные репортажи...

«Читая их, мы встречаемся с увлекательным рассказчиком, - пишет Александр Яковлевич Котовсков, - человеком, который много подмечает острым глазом журналиста. Репортажи интересны не только с познавательной стороны, они пронизаны волнующими мыслями о мире, дружбе между народами».

Раздвинулись и география, и тематика его творчества.

Но всё так же на его стихах как бы лежит отблеск донского полынка.

*Откуда Дон берёт начало?
Где скрыта вечная струя,
Что вниз по руслу величаво
Уходит в дальние края? -*

спрашивал поэт, и сам же отвечал на этот вопрос картинами и образами казачьего быта. Живые краски этой, ни с чем не сравнимой природы, отпечатались в его памяти ещё тогда, когда он и сам жил среди станичников.

Как отпечаталась в земле древняя виноградная лоза. Отпечаток тот показали поэту археологи на месте раскопок Саркела.

И как земля «оберегла этот отпечаток для потомков, так и сердце ревниво бережёт любовь к родной земле», - говорил Софронов.

Подхваченный ветром времени, он постоянно был в разъездах.

Но вот без Дона жить не мог. Наезжал сюда при первой же возможности. Трепетно относился к Шолохову. Причастен к литературной судьбе Бориса Примерова и Бориса Куликова. Смолоду был дружен с Закруткиным и Калининным.

Дадим слово Анатолию Вениаминовичу Калининну:

«Ещё вчера такой же густой тихий снег шёл за окном в подмосковном бору среди сосен, а в комнате с диска проигрывателя звучала только что написанная Софроновым вместе с композитором Левитиным новая песня о Доне...»

И вот уже сквозь белизну этого снега едва проступают за окном и правобережные бугры, и левобережный яр с гривой леса вдоль русла обледенелого Дона, и вспыхивающий между вербами «ах, краснотал мой, краснотал...», который всегда поёт под ветром.

Надо только прислушаться к нему, как в своё время прислушался поэт.

...Всплески волн, бушевавших на казачьей земле в те революционные годы, явственно слышатся в стихах поэта. Он вспоминает и напоминает, что в те годы на две стороны – непримиримо враждующие силы – раскололась эта донская сторона.

...Конечно, Шолохов уже рассказал об этом, но у поэзии свой язык.

...И разве не «Тихий Дон» стал для поэта тем источником, напившись из которого, он и сам захотел отправиться в путь по родной степи?

Утолившему жажду из такого источника дано многое совсем по-новому увидеть и открыть для себя даже в знакомой с детства степи».

*По затуманенным низинам
Гуляют цапли на песке,
И черноталовой лозинкой
Их ноги кажутся в реке.*

Кажется, ничего особенного, всё это можно увидеть и где-нибудь в другом месте. Но чернотал растёт только у Дона, и поэт уверен, что тот, кто хоть раз увидел опушённые им берега, уже никогда их не забудет. И разве можно увидеть ещё где-нибудь:

*У побережья жёлтый чакан
Среди клокочущих ключей
Стоит, покрытый нежным лаком
Весенних солнечных лучей.*

Однако совсем не безмятежна была жизнь – издавна называемых казаками – людей на этих окаймлённых чаканом, красноталом и черноталом берегах, в серебрящейся польнью и бессмертником степи, изрытой копытами донских коней!

И оживает в стихах поэта трудная, славная, противоречивая история казачества.

Незадолго до войны писал он о тех пороховых погребах в Донской степи, которые давно уже стали погребями винными. Только старое название и сохранилось за ними:

Где шелестит в покос пшеница

*И к МТС ведёт тропа,
Стоят на взгорье над станицей
Пороховые погреба.*

*Они хранят следы Петровы;
Петром заложен каждый был,
Когда он к городу Азову
Донскою степью проходил...*

Но по неписаному обычаю молодой казак, отправляясь на службу, непременно должен был принять из этих погребов чарку с вином.

*И, отправляясь из станицы.
У погребов обнявши мать,
Казак обязан поклониться
И чарку полную принять.*

*Допить до дна, не проливая,
Почуять порох на губах,
Чтоб сила, хватка боевая
Была в мужающих руках.*

С таким казаком поэт встретится потом в дни войны в Донском кавалерийском корпусе генерала Алексея Гордеевича Селиванова.

И тогда отблеск полынка упадёт уже на строчки его фронтовых стихов.

***

А ещё поэт Анатолий Софронов является автором слов одной особенно значимой песни.

*Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли на битву партизаны.*

*Тропою тайной меж берёз
Спешили дебрями густыми.
И каждый за плечами нёс
Винтовку с пулями литыми.*

*В лесах врагам спасенья нет.
Летят советские гранаты.
И командир кричит им вслед:
«Громи захватчиков, ребята!»*

*Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли с победой партизаны.*

***

Осенью 42-го года в штаб Брянского фронта пришла необычная телеграмма: «Оружие у нас есть, в случае чего можно забрать у врага, а вот песню, как трофей, не возмёмшь. Пришлите нам песню».

Это писали партизаны Брянских лесов.

Политуправление фронта обратилось к поэту Анатолию Софронову и композитору Сигизмунду Кацу с просьбой выполнить партизанский наказ. Для Софронова и Каца это была не первая совместная работа. Они написали уже много чего – строевых и лирических, героических и шуточных, маршей и частушек.

А вот партизанскую песню писать не приходилось...

Какой она должна быть?

В походных колоннах эти бойцы не ходят. Поэтому марш им не подойдёт...

Модный в то время вальс – в дремучем лесу не станцуешь...

И здесь вспомнили старую народную песню «Ревела буря, дождь шумел...» и забытую песню времён отечественной войны 1812 года «Шумел, гремел пожар Московский». В этих песнях была выражена душа народа, его патриотизм и мужество.

Так родилось название и первая строчка – будущего гимна партизан – «Шумел сурово Брянский лес...» Получилась она поистине суровая, раздольная, близкая по духу тем, для кого предназначалась.

В штабе Софронову предложили вылететь к партизанам. Самолёт – под завязку – боеприпасы, продукты, медикаменты. Туда же было приказано «погрузить» и песню. Это оказалось не так просто: нот у корреспондента не было, о певце – солисте с аккордеоном и мечтать не приходилось, а главное – композитор не мог лететь, так как в самолёте было только одно место.

Перед отлётом Кац лихорадочно напевал соавтору мелодию, умоляя не сбиться...

Самолёт встретили зенитки, но он благополучно опасность миновал и приземлился на льду маленького озера.

И вот в землянке, вырытой в полусожжённой деревне, начальник Брянского штаба объединённых партизанских отрядов объявил:

«Вот поэт Софронов, кроме того, что он корреспондент, он ещё привёз песню, которая специально написана для брянских партизан.

Так... Верхом можешь?»

Умеет ли поэт ездить на коне – какое это имеет значение? Конечно же, надо ответить – могу, а если придёт проверка, не ударить в грязь лицом.

Софронов с проводником поехали на конях в соседний партизанский отряд.

Оказывается, там есть слепой гармонист, он будет разучивать новую песню с молодыми партизанами.

Было это 7 ноября 1942 года.

«Мне не раз приходилось петь свои песни, - вспоминал поэт, - но, пожалуй, такого волнения, как в ту ночь, я никогда не испытывал... я её спел один раз, меня попросили спеть ещё раз, потом в третий. Меня обнимали... А утром слепой баянист «с голоса» разучил мелодию, и пошла песня кочевать от землянки к землянке, от одного отряда к другому».

И песня осталась воевать за Родину.

«Ты приехал как раз вовремя: скоро премьера, «Лес...» отдали на радио», - встретил композитор поэта.

«Премьера уже состоялась...», - ответил поэт.

Сохранились сведения, что тем незрячим баянистом тоже был наш земляк.

...Стоял на дальних путях железнодорожной станции Ростова-на-Дону, разбитой фашистами, санитарный поезд. Медбрат заметил подозрительного (время-то военное!) незнакомого юношу, подошёл. Потом подвёл к вагону:

- *Товарищ комиссар, тут какой-то слепой с баяном...*
- *Хочу музыкантом у вас служить... Долгопятов Иван, закончил школу слепых и музыкальное училище.*

Ваню Долгопятова зачислили в бригаду санитарного поезда. Задушевной песней и словом подбадривал, лечил он израненных бойцов.

А в мирное время Иван вёл работу в Ростовской организации ВОС.

Описан такой случай военным журналистом Давидом Ортенбергом; но, возможно, это лишь совпадение имён.

В столице партизанского края городе Брянске возвели памятник, на граните которого высечены слова:

*...Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли с победой партизаны...*

Это монумент не только партизанам, но и песне, ставшей гимном всех тех, кто приближал Победу.

«Песня эта считается народной, говорят, что её сочинили где-то в отряде в глубине лесов... Поэт и композитор не возражают против такой легенды – я их сам спрашивал», - вспоминал поэт Евгений Долматовский.

А Софронов отмечал, что луга Брянщины похожи на Подонье. Тот же седой ковыль.

«Природа края, в котором вырос человек, близкие друзья, обычаи, язык окружающих людей – всё это незаметно, но крепко привязывает к себе, прочно, на всю жизнь заполняет душу... Для меня такой Родиной был и остаётся тихий Дон».

***

«Вообще, где бы поэт ни был, о чём бы ни писал, отныне уже навсегда донской синевою окрашены будут его строчки, - говорит Анатолий Калинин, - там, где всё дышало славной и драматичнейшей историей этого легендарного края с его пороховыми погребками и со свинцового цвета бесмертниками, не вянущими над Доном-рекой на старых курганах и новых братских могилах.

С тем особым укладом степной жизни, которая врывалась в строку вместе с неповторимым складом и юмором живого казачьего говора, сообщая и стихотворной речи поэта этот разговорный склад, непринуждённость размеров и ритмов. С самого начала творческих поисков вводил он его в берега той песенности, которая всегда была свойственна краю казачества».

Недаром же в стремлении к сочетанию разговорности с песенностью выявится ещё одна – драматургическая – струна таланта Софронова.

***

Правда, как ни парадоксально, почти все его пьесы принимались в штыки и подвергались критике. А вот спектакли, поставленные по ним, имели завидно долгую жизнь!

Инсценировка «В одном театре», с которой он дебютировал, была удостоена Госпремии. Поставил её театр имени Моссовета.

Всего Анатолий Владимирович написал 50 пьес.

И все они принадлежали своему сложному времени. Сегодня мы саркастически относимся к темам, отражённым в них. Но, хотим, мы этого или нет, софроновские спектакли стали своеобразным художественным документом, запечатлевшим советскую эпоху, и навсегда вошли в историю отечественного сценического искусства.

12 пьес поставил Ростовский драматический театр имени Максима Горького.

Спектакль «Странный доктор» стал режиссёрским дебютом для нашего первого на Дону народного артиста СССР (тогда ещё – РСФСР) Михаила Ивановича Бушнова.

В судьбе многих театральных деятелей произведения Софронова сыграли немаловажную роль. Так, главные исполнители сверхзнаменитого вахтанговского спектакля «Стряпуха» Юлия Борисова и Михаил Ульянов были повышены в ранге и удостоились почётных званий «Народный артист РСФСР».

А потом на экраны страны выйдет и кинолента со звёздным актёрским составом: Светличная, Хитяева, Высоцкий...

Кстати, в связи с этой кинолентой...

В фильме Владимиру Высоцкому киношное начальство не разрешило петь, мотивируя тем, что его *«голос народные массы не примут»*.

Как все всегда любят решать за народ!..

А ещё будут «Стряпуха замужем» и «Павлина»!

Один из его спектаклей – «Миллион за улыбку» – прославленные Вера Марецкая и Ростислав Плятт играли 25 лет! Сначала – в Ростове, потом – в Москве.

И очень-очень долго афишу Ростовского театра музыкальной комедии возглавляла единственная музыкальная комедия Софронова «Старым казачьим способом».

Сам Анатолий Владимирович рассказывал, что написал её, что называется в один присест в Цимле. Увидел на этикетке «Цимлянского игристого» надпись – *«изготовлено старым казачьим способом»* и... зачеркнув первое слово, написал название будущей комедии.

И Анатолий Владимирович Софронов всегда помнил и чтит город своего детства и юности.

Сочинён – ещё в 1941 году, – по сути, легендарный гимн «Ростов-город, Ростов-Дон...».

«Улица Садовая, скамеечка кленовая...»

Кстати, когда потом улица носила имя Фридриха Энгельса, то один Софронов продолжал утверждать, что она – «Садовая»! Поэт оказался прав. Теперь главная улица в Ростове-на-Дону по-прежнему называется Садовой.

А секрет популярности песен Анатолия Софронова, наверное, в их поэтичности, скромной простоте и негромкости, что присуще народным песням.

Ещё он автор нескольких поэм и романа в стихах «В глубь времени». Наиболее эмоциональна и выразительна «Поэма прощания». В 1984 году опубликованы отрывки из «Поэмы жизни и смерти». В центре – образы Есенина и Маяковского, раздумья о поэзии нашей эпохи.

Наряду с поэтом и драматургом есть ещё и публицист Софронов, автор книг путевых очерков и литературно-критических статей о прозе Шолохова, о драматургии Островского и Погодина, о кинофильме «Война и мир» Бондарчука, многочисленных зарисовок из жизни нашей страны и зарубежья.

А в историю литературы он вошёл издательско-просветительской работой, которую вёл, возглавляя редакцию журнала. Именно он создал знаменитую огоньковскую библиотеку, в которой были переизданы массовыми тиражами собрания русских и зарубежных классиков. И вывел в свет многочисленный отряд молодых авторов.

Нет нужды напоминать, что книжки «Огонька» были самой надёжной визитной карточкой в стране. Издавались невиданным по нынешним меркам тиражом – 100, 200, 500 тысяч, а то и миллион.

А ещё Софронов создал Международную ассоциацию писателей стран Азии и Африки и общество «Гефест» для глухонемых художников...

***

Сейчас даже невозможно перечислить все те известные имена, которые так или иначе, связывают с именем Анатолия Владимировича.

Но одно имя – одного молодого, очень талантливого парня – поминают обычно всегда. Мол, не помог ему Софронов. Не захотел! Отомстил...

Звали эту многообещающую личность Василий Шукшин.

***

... В 1963 году ходило много сплетен о романе Василия Шукшина с известной поэтессой Беллой Ахмадулиной, которую он даже снял в своей первой картине «Живёт такой парень» (она сыграла журналистку).

Однако через несколько месяцев их роман благополучно завершился, и судьба свела Макарыча с другой женщиной.

Звали эту другую женщину Виктория Анатольевна Софронова.

Было ей в ту пору 33 года, и трудилась она редактором в журнале «Москва».

Сплетен стало ещё больше. Злые языки утверждали, что Василий – ну просто очень нуждался (на тот момент) в очень нужном покровителе!

Всё может быть.

Анатолий Софронов тогда уже был зубром, а творчество «Васьки-алтайца» светская публика жаловала не очень...

Вот что рассказывает о тех днях Виктория Анатольевна:

«Как-то я прочитала в «Новом мире» цикл рассказов «Они с Катуня». Автор Шукшин. Мне понравилось.

Позже я узнала, что в Центральном доме литераторов состоится обсуждение его новой повести, и пошла туда вместе с друзьями.

Признаться, та повесть Шукшина была слабой. Её критиковали. И я тоже.

...Потом он меня нашёл. Я тогда только развелась с мужем, детей не имела...

Жили мы вместе, но Вася часто был в разъездах, на съёмках. Когда приезжал, к нам приходили его друзья: оператор Саша Саранцев, Вася Белов. Мы все спорили. Я и мама защищали советскую власть, а Вася ругал – у него же отец был репрессирован. И он вообще очень отличался от всех. В шкафу, например, у него стояла иконка.

Я Шукшина очень любила. А он был ревнив. Однажды даже подрался с Саранцевым из-за того, что тот, прощаясь, меня поцеловал».

Анатолий Владимирович по поводу выбора дочери слова не сказал – ни за, ни против.

Но...

Желанного контакта у зятя с тестем не вышло.

Василию казалось, что хозяин главного журнала страны – и дома представитель государства. А к нему снизойти не желает. И разговоры их сразу переходили в другой, далеко не кухонный формат.

И не нашлось никого тогда, кто бы свёл два лагеря, которые они представляли!

Речь-то идёт о знаковых фигурах русской литературы XX века, которые шли к одному и тому же – но разными путями.

Анатолий Софронов ведь – действительно, убеждённый государственный. И он очень настороженно воспринял так называемую «деревенскую» литературу.

По словам внучки Екатерины, *«это лукавое определение уводит «деревенщиков» в лапотное «гетто». А дело ведь не в том, что они горизонтально «сблизили» город с деревней. Нет, они по вертикали выломали человека – и деревенского, и городского – «из-под глыб» государства.*

И Софронов, высоко оценивая художественные достоинства произведений и Абрамова, и Астафьева, и Шукшина, считал, что подобная литература подмывает государственный фундамент, который он по мере сил крепил всю свою жизнь.

И со своей точки зрения был прав».

Хотя оба они болели за свою страну и желали ей одного. К тому же оба – сыновья репрессированных.

Возможно, и Виктория Анатольевна любя обоих, угодила между молотом и наковальней: *«...Потом с Васей что-то произошло, он охладел. Я поняла, что мы скоро расстанемся. Сказала об этом ему. И вскоре забеременела...»*

Летом 1964 года Шукшин отправился в Судак на съёмки в фильме режиссёра Э. Бочарова «Какое оно, море?». Там у него случился очередной запой. И там судьба свела его с 26-летней актрисой Лидией Федосеевой.

Между тем, 12 февраля 1965 года на свет появилась девочка. Назвали её Екатерина. Василий явился в роддом... с бутылкой портвейна. И самое удивительное – эту передачу приняли!

Он приехал забирать молодую маму с малышкой из больницы, но радостной встречи не получилось. И вскоре союз этот распался совсем.

Виктория пишет: *«Вася оказался меж двух огней. Он жил то с Лидой, то со мной. Ему дали квартиру в Свиблове, и, когда у него что-то с ней не заладилось, она ушла, он пригласил нас с Катей к себе. Мы приехали, но мне было там неуютно, к тому же Вася пил. Мы уехали к себе...»*

До 7 лет Катя была Софроновой, но перед школой мать потребовала дать дочке положенную отцовскую фамилию.

С той поры Катя – Шукшина.

Внучка видного общественного деятеля, поэта, драматурга, главного редактора журнала «Огонёк» Анатолия Владимировича Софронова.

Старшая дочь выдающегося русского писателя, актёра, режиссёра Василия Макаровича Шукшина.

«...У меня пропала метрика – пришлось её восстанавливать, - рассказывает Екатерина, - В загсе попросила: «Дайте хоть посмотреть запись в книге, где их подписи». И абсолютно шукински, как в рассказе «Кляуза», на меня недобро так, с подозрением прищурились: «А вам зачем?» И не показали».

Возможно, именно общение с семьёй дончан Софроновых отразилось в творчестве Шукшина – писателя. Его очень интересовала история нашего края. Как пример – роман о Степане Разине «Я пришёл дать вам волю...»

И слово «чалдон» переводил он как «человек с Дона».

Екатерина Шукшина уверена, что главной женщиной в жизни самого Василия Макаровича всегда оставалась его мать Мария Семёновна; а вот для Виктории – единственным мужчиной был только Василий: *«...Когда умер отец и уже был отчим, мама повесила в мою комнату большой портрет Шукшина, и все подруги ей говорили: «При живом муже – ты чего делаешь-то?!»*

«Это Катин отец!» - отвечала мама».

Лидия же Федосеева-Шукшина считает Викторию Софронову обыкновенной хищницей и претенденткой на наследство.

Хотя, подумать бы – неужели дочь и внучка самого Анатолия Софронова (который, в общем-то, не вылезал из заграницы) в чём-то нуждались?

Возможно, Виктория Анатольевна просто из принципа решила утвердить первородство софროновской дочери – чем она хуже федосеевских?

Все они – Васильевны (хотя и сроду не общались), а Екатерина – старшая. Так пусть получит причитающееся по закону.

...И какова же во всём этом роль главного редактора «Огонька»?

Верно говорят: чужая семья – потёмки.

***

Вот о чём рассказал писатель Валерий Ганичев:

«Огонёк» Анатолия Владимировича Софронова был безусловным патриотическим, духовным центром, а его главный редактор одним из тех, кто мощью своей, умением, профессионализмом, талантом уничтожал уныние, вселял уверенность, укреплял дух у всех, кто хотел и служил делу России.

Человек-крепость – так называли мы его.

Ибо за плечами его авторитета было уютно, спокойно, и тут, на страницах «Огонька», встречались все подлинные таланты России, тут создавалась неповторимая панорама творчества народов Советского Союза, тут взращивались молодые писатели, укреплялись в своём мастерстве именитые.

«Огонёк» для всей страны был подлинным очагом культуры, просвещения. Он был домашней Третьяковкой, ибо здесь представлялись великие художники и из номера в номер вёлся рассказ о них. Я встречал репродукции мировых и русских классиков, вырванные из «Огонька», в дощатом аэропорту чукотского Анадыря, в хижине бурятской пастушки на севере Байкала, в чисто побеленной украинской хатке и юрте монгольского арата.

«Огонёк» того времени представлял высокую классику в литературе, живописи, музыке и не боялся, что это не поймут массы.

...И «Огонёк» Софронова стоял, как кость в горле, у тех, кто нынче прорвался к рычагам власти, к рычагам средств массовой информации.

Им не по душе была эта открытость к великим ценностям мира и России для широких масс.

«Огонёк» и его редактора штурмовали давно, но особо он стал ненавистным в первые годы перестройки. Свергнуть Софронова – это была одна из серьёзных задач архитекторов распада и разложения.

...А ведь если на концертах пели «Брянский лес», то тысячеголосый зал с яростью подхватывал: «Громи захватчиков, ребята!»

***

Тех захватчиков – немецких – удалось разгромить.

Хуже было с внутренними, ряженными под борцов за улучшение социализма, за классовость, борцов с патриархальщиной, с шовинизмом. Они превращались то в противников догматизма, то в напористых реформаторов.

«Как столько лет мог непоколебимо стоять на страже интересов России наш старший брат, - сетует Ганичев, - знает только его истрёпанное в общественных схватках сердце да верная супруга Эвелина Сергеевна».

Умер он 9 сентября 1990 года.

И сразу же стал фигурой одиозной. Перестали печатать его книги, из репертуаров театров сняли спектакли с его авторством.

Сейчас его много ругают. Говорят, что был совковым апологетом, что зажимал прогрессивную литературу, не давал ходу молодым талантам; а сам – как писатель – был полным нулём и стряпал – как его стряпуха – абсолютно бездарные вещи.

Хотя того же Ганичева Софронов напечатал именно в самые непечатаемые ганичевские времена, а ведь за составом авторов бдительно следили отделы агитационной пропаганды и культуры ЦК. И неугодных не пропускали.

Вполне возможно, что он допустил немало ошибок в своей общественной работе на посту секретаря правления Союза писателей СССР.

Утверждали вот, что ненавидел евреев.

К примеру, журналист Юрий Иванов-Миллюхин приводит такую софроновскую реплику:

«Сейчас ты сытый и обутый, а при демократии станешь пахать с утра до вечера. За копейки. Евреи к рукам приберут всё. Природные богатства в первую очередь. Печатать тебя не будут. И литературы настоящей не будет. Одни детективы, как в Америке».

Что сказать? Прав оказался Анатолий Владимирович. Хотя и детектив детективу – рознь, конечно.

Но, в общем-то, на посту главного редактора главного журнала страны его сменил именно украинский еврей Виталий Коротич...

Помнящие его собратья по перу говорят, что та – священная общенародная война – и выработала его главную установку поэта, публициста, драматурга – безграничную любовь к русскому народу и готовность сделать всё для его преуспевания, для его блага.

Он искренне недоумевал, почему чех может гордиться тем, что он чех, и француз тем, что он француз, но любая подобная самооценка русского человека, а тем более – русского писателя воспринимается сразу же либо как *«отступление от принципа интернационализма»*, либо как *«дремучий великодержавный шовинизм»*.

Вот мнение Владимира Александровича Разумного – доктора философских наук, профессора, действительного члена многих Академий, члена Союза театральных деятелей РФ и Союза кинематографистов:

«К сожалению, поклёпы на поэта – помнят и ретранслируют, но преднамеренно забывают поистине уникальный факт, а именно то, что одним из первых в конце 40-х удары от партийно-бюрократической верхушки испытал на себе именно Анатолий Софронов.

Его появившаяся в «Новом мире» в 1949 году пьеса «Карьера Бекетова» была фактически одной из первых попыток в новой, послевоенной ситуации разобраться с природой бюрократизма и с той логикой аппаратной жизни, последствия которой будут влиять на нас ещё многие и многие десятилетия. Почти сотня театров сделала заявки на постановку пьесы. Её моментально и блистательно поставил в Ленинграде – Акимов, на Украине – Романов в театре им. Леси Украинки.

Но вдруг, словно гром среди ясного неба, на Анатолия Софронова обрушились десятки центральных и периферийных газет, упрекая автора во всех смертных грехах, и прежде всего – в незнании жизни и в поклёпе на нашу действительность и государственный аппарат.

По легенде, причиной оказалось резкое суждение Лаврентия Берия, расшвырявшего от реплики: «Не может быть первым, не хочет быть вторым».

Как мужественный человек, Анатолий Софронов всё вынес достойно, без истерики, переключившись активно в сферу поэтической деятельности, подготавливая к изданию новые поэтические сборники – а также в журналистику.

Он не без юмора говорил мне, что если бы превратился в ту пору в диссидента, то обеспечил бы себе шумную славу.

...Самобытный русский писатель, он оставил заметный след в поэтической антологии России в наиболее драматичный период её истории.

Сегодня его песни поют повсеместно как народные, фольклорные по истокам и характеру. А это – лучшая гарантия того, что завтра, которое неотвратимо, восстановит во всей полноте его творческий образ».

***

Ну, конечно же, главный редактор главного советского журнала и шагу не мог ступить без указаний ЦК, но ЦК-то приветствовал дружбу между народами, и никак не наоборот!

А как коммунист, Софронов обязан был быть и интернационалистом: он прошёл всю войну, боролся с фашизмом, с коричневой чумой...

Об этом часто забывают.

Будь он жив, он, вероятно, очень бы удивился, узнав, что его имя используют для популяризации идей, самых что ни на есть *«разжигающих национальную рознь»*.

Обидно за писателя. Он заслужил более уважительного разговора и менее истерического тона.

Для истории нашей литературы важнее всего то, что он был поэтом, близким и понятным народу.

Перелистаешь страницы книг его стихов и поэм, вспомнишь пьесы и особенно песни, прислушаешься к ним – и убеждаешься, как много успел сделать хорошего в жизни этот художник слова, наш талантливый земляк.

***

Вот о чём рассказывает нынешний главный редактор журнала «Дон» Виктор Петров:

«Незабываем портрет молодого Анатолия Софронова ростовской поры.

Портрет как портрет, выполнен в лёгкой манере, но вот глаза – распахнутые на пол-лица и притягивающие своей бездонностью. Вроде бы вбирают они всё и вся, пронизательно угадывая только ещё предстоящее.

Казалось, была некая схожесть этих глаз, с иными – на иллюстрациях к Достоевскому того же Ильи Глазунова. Возможно, совпадение: помнится, художник как раз в те годы «создавал» Карамазовых, «Преступление и наказание» и другие вещи для огоньковского собрания сочинений великого писателя.

Однако для меня софроновский взгляд с того портрета так и остался в одном ряду с пронзительными взорами героев Фёдора Михайловича.

Легко домысливается, что Софронов провидит на портрете не только свою судьбу, а и судьбу целой страны.

Которую любил и которой больше нет».

***

И споёт в 80-х годах звезда русского романса грузинка Нани Брегвадзе:

*Ах, эта красная рябина
Среди осенней желтизны.
Я на тебя смотрю, любимый,
Теперь уже со стороны.*

*Со стороны страданий прежних,
Со стороны ушедших лет,
Которым, словно зорям вешним,*

Уже возврата больше нет.

*Летят, как ласточки, листочки
С моей любовью по пути,
И только нет последней точки,
И слова нет ещё «прости».*

*Ещё теплеется та память,
Счастливых дней весенний гром,
Когда любовь бродила с нами,
Скрывая нас одним крылом.*

*Весною ласточки вернутся,
Оставив за морем любовь,
И над рябиной пронесутся,
И что-то мне напомнят вновь...*

*Ах, эта красная рябина
Среди осенней желтизны...
Я на тебя смотрю, любимый,
Из невозвратной стороны.*

И все женщины Страны Советов будут самозабвенно вздыхать под эти чарующие строки...

***

Греет душу холодный огонь рябиновых кистей «среди осенней желтизны», потому что смотрят на нас чьи-нибудь глаза «из невозвратной стороны».

А ягода горька – нельзя оттуда вернуться...

И только слово возвращает, слово – возвратная сторона.

«Донская земля дала крылья для полёта. Родной Ростов был и навсегда останется для меня тем большим университетом жизни, за окончание которого хотя и не вручают диплом, но который для меня стал самой высшей формой образования».

Анатолий Софронов.

А мы и дальше будем распевать, уверенные, что слова эти: «Ростов-город, Ростов-Дон...» – народные.

***

*

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

*Есть все основания полагать,
что Суичмезов был и остаётся одним
из наиболее глубоких и серьёзных знатоков
истории донского казачества, донских станиц.*

Виталий Закруткин

В год 40-летия «Молота» в журнале «Советская печать» появился шарж: крепкий брюнет с развевающимися на встречном ветру чубом и галстуком, несёт на плече нечто похожее на здоровенную кувалду.

Но вместо самой убойной части инструмента выведен стилизованный заголовок газеты: «Молот».

И подпись – рядом: *«Эта ноша по плечу Александр-Михалычу!»*

Так столица – ко дню рождения «Молота» – познакомила всех (кто ещё не был знаком) с главным редактором главной газеты Ростовской области, замечательным журналистом-краеведом Александром Михайловичем Суичмезовым.

***

Худенький невысокий подросток робко заглянул в комнату редакции: у окна сидела девушка. Она просматривала какие-то листы: делала пометки, что-то подчёркивала, что-то вычёркивала во все.

«Это она текст правит», - догадался юный посетитель, переминаясь с ноги на ногу.

- Заходи смелее, мальчик. Ты что-то принёс? Наш журнал читаешь? Как тебя зовут?

- Я Саша Суичмезов... «Горн» читаю... Потому и пришёл. Меня уже раньше, два года назад печатал «Красный шахтёр». Но то – не очень... А сейчас – вот, - и протянул девушке странички, исписанные чётким почерком.

- Ну, давай.

Девушка внимательно поглядела на него и улыбнулась:

- А я здесь работаю. Меня зовут Вера. Вера Панова.

Глаза у Веры были очень ясными, и Саша сразу приободрился: может, ей и вправду интересно то, что он – деревенский пацан – написал?

Вот так рассказ «Володькин самолёт» и появился в журнале «Горн» – приложении к газете «Ленинские внучата». Это издание даст 15-летнему автору зелёный свет и напечатает и другие рассказы и небольшие инсценировки.

А со временем, и главный редактор «Горна» Полиен Николаевич Яковлев, и Вера Фёдоровна Панова (в будущем – известная писательница), станут его добрыми друзьями.

Крепко, видимо, запомнились будущему хозяину литературного журнала «Дон» его робкие шаги в журналистике и литературе, если трепетное отношение к юным коллегам он не просто сохранил на всю жизнь, но и сделал традицией – раз в год один из 12 журнальных выпусков посвящать творчеству молодых!

***

Родился Александр Михайлович Суичмезов 16 августа 1911 года.

После того первого серьёзного литературного крещения в краевом пионерском журнале, Сашка Суичмезов трудился затем в самых разных газетах Дона и Кубани, разъезжал по стране.

Уроженец станицы Усть-Белокалитвинской вырос на берегах Северского Донца.

Жизнь не баловала – на хлеб приходилось зарабатывать самому...

А в 19 лет попал он на большую стройку: по Будённовскому проспекту, почти упираясь в Пушкинскую улицу, возводилось пятиэтажное здание – для газеты «Молот» (и её издательства) – самой крупной и популярной на Северном Кавказе.

Думал ли этот парень тогда, таская до седьмого пота тяжеленные кирпичи, что станет через годы главным редактором этой самой газеты? Что будет возглавлять её около трёх десятилетий?!

Через 20 лет Александр Михайлович с присущим ему юмором говорил: *«Знаете, я порой считаю, что моя редакторская ноша ничуть не легче той, что я нёс в свои 19 лет...»*

В те далёкие годы начали отмечать своё рождение районные газеты, и Александр едет в редакцию одного из самых глубинных районов края – Верхнедонской.

Начинает с публикаций, посвящённых насущнейшей тогда теме – коллективизации на селе.

Тогда же он взял себе творческий псевдоним – Ал. Донецкий.

В 1931 году корреспонденции разъездного корреспондента Ал. Донецкого печатались в московской «Крестьянской газете».

А попотеть пришлось не только в тиши редакторского кабинета, но и на различных стройках, предприятиях, в советских учреждениях. Одновременно осваивал он курсы по подготовке в вуз, а затем окончил Ростовский пединститут и Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

На редакционной работе в газетах Дона и Кубани и начинается его тот самый – на всю жизнь – интерес к истории родного края.

Весной 1940 года Суичмезова направили на работу в Ростовское книжное издательство.

Но претворять в жизнь – всё желаемое – на такой интересной должности вышло только один год – до июня 41-го...

В годы Великой Отечественной Александр Михайлович Суичмезов – в рядах Красной Армии. Как политработник принимал участие в издании плакатов, агит-окон, а также альбомов, посвящённых героической защите Родины.

Повезло – вражеская пуля миновала.

45-й год ...

Демобилизованный журналист работает сначала в редакции «Известий», а через два года становится редактором ростовской областной газеты «Молот».

Он делал для этой газеты всё!

Даже лично пополнял редакционную библиотеку столь дефицитными тогда «толстыми» литературными журналами. На обороте обложек «Нового мира» и «Знамени» можно было прочесть его домашний адрес, ещё старый – Ворошиловский, 10.

Сын Владимир, унаследовавший страсть к журналистике, передаст отцовскую библиотеку – это, практически, издания всех известных донских писателей с личными автографами – в отдел редких книг областной библиотеки имени Карла Маркса (ныне – Донская публичная).

Интерес к людям у Александра Михайловича был на редкость неподдельным. Он искренне увлекался своими земляками, и его журналистская профессия удивительно гармонично сочеталась с его духовным и душевным обликом.

Коллеги всегда говорили о том, что по сути, именно Суичмезов создал удивительно профессиональный, творческий коллектив газеты «Молот», традиции которого сохраняются и сегодня.

«Я всегда поражался его организаторским способностям, - рассказывает о своём первом редакторе ветеран журналистики Николай Губанов. - А его отношение к людям, удивительное внимание к каждому литературному сотруднику, вера в человека вызывали у коллег не просто искреннее уважение, но даже любовь... Я не преувеличиваю...».

Ещё, по воспоминаниям, Суичмезова невозможно было представить ничего не делающим.

Корреспондент Владимир Тыртышный вспоминал, что первым вопросом при встрече у Александра Михайловича было: «Над чем работаете?»

Самому же ему эта «каторга» ежедневной газеты, начавшаяся в 1947 году и длившаяся четверть века, полюбилась во всем: а ведь набор был тогда «горячим», и свёрстанные полосы с «дырами» и «хвостами» всё равно нужно было сдавать в срок.

Журналист Иосиф Юдович писал, что «Суичмезов категорически не любил приблизительности», и дни, когда приходилось публиковать поправки (что бы он сказал о постоянных опровержениях в нынешней прессе?!), были для него самыми неприятными.

Для примера: Александр Михайлович, увидев на полосе фамилию механизатора из Матвеево-Курганского района «Топольсков», предложил ответсекретарю проверить, а точно ли назван район, утверждая, что такая фамилия более свойственна району Верхнедонскому. Проверили: да, механизатор оттуда, с Верхнего Дона.

Сказалось потрясающее знание Суичмезовым истории донского казачества!

Недаром, по утверждению писателя Михаила Андриасова, Шолохов считал именно Суичмезова редактором инсценировки второй книги «Поднятой целины» из-за тех ценных замечаний, которые он сделал автору пьесы – П. Дёмину.

Стоит ли удивляться, что и пьесы, написанные им самим, основаны на прекрасном знании донского края?!

Дадим слово поэту Николаю Михайловичу Скрёбову:

«К тому времени десять лет редакцию возглавлял Александр Михайлович Суичмезов, 46-летний красавец с едва тронутыми проседью волосами. Говорил он всегда негромким низким голосом, поглядывая порой с лукавинкой на слушающих, словно проверяя доходчивость своих слов.

...У него была феноменальная память, подкреплённая ровной, безукоризненно правильной речью. История, география, краеведение Дона были у него как на ладони.

...Первая встреча с Александром Михайловичем произвела на меня ошеломляющее впечатление.

Он с первых минут решительно сократил дистанцию между нами, заговорил как с равным, причём не сразу о деле, а вначале о городе, для меня – родном, для него – связанном с журналистской молодостью. Шахтинская газета «Красный шахтёр» была как бы нашей общей колыбелью, только в разные годы.

...Масса деталей городской жизни, названия посёлков и улиц, фамилий примечательных людей, даже курьёзных случаев – и всё это в получасовой беседе с новичком!

...Меня покорила мягкость его манер, умение говорить с начинающими как с равными, внимание к житейским обстоятельствам, имевшим для меня несравнимо большее значение, чем для него. Разве мог я тогда предположить, что ютиться на частной квартире мне оставалось лишь до августа следующего года? А редактор-то сделал всего одну пометку в настольном блокноте.

... Захожу в редакцию. Меня окружает добротная, чинная обстановка, удобная мебель, безупречная чистота. И хозяйева, чувствовалось, любили комфорт и порядок – спокойные, несуетные, внушающие чувство надёжности.

...Обстановка как будто налагала свой отпечаток и на людей. А какие это были люди! Из незабвенной породы «зубров» журналистики».

И ещё отмечал Скрёбов, что только Суичмезову по плечу было гармонизировать столь многообразный и столь разнохарактерный коллектив. Только под его зодиакальным знаком (кстати, Льва) могла воцариться мудрая стабильность, уравнивающая многолетние традиции газеты и свежую импульсивность поисков нового.

Только Суичмезов мог, не дожидаясь просьб молодого сотрудника, пообещать ему жильё и выполнить обещание всего через восемь месяцев. А потом ещё и разрешить ему преподавать (по совместительству, в университете на вечернем) теорию и практику печати.

Только Суичмезову, с его авторитетом и легендарной интеллигентностью, было дано завести в редакции такую роскошь, как сосуществование двух родственных отделов – культуры и литературы и искусства.

И при Суичмезове газета «Молот» была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а журнал «Дон» – орденом Дружбы народов.

Человек удивительной скромности, сам образовавший себя до энциклопедических знаний, он никогда не кичился своей принадлежностью к Союзу писателей СССР.

А родились бы знаменитые «молотовские четверги», если бы не покровительство Суичмезова?!

***

Вот так отзываются журналисты о своём собрате по перу.

Но не все.

Есть отзывы и довольно негативные – Суичмезов – партийный прихлебала, печатал только угодное ЦК партии.

Собственно, то же самое, что ставится теперь в вину и Анатолию Софронову.

И в качестве примера обычно приводится ситуация со сборником стихов Леонида Григорьяна.

Леонид Григорьевич Григорьян – центральная фигура ростовской неофициальной культуры послевоенного времени

Существует мнение, что благодаря этому человеку наш город (возможно, единственный раз за всё время своего существования) внёс вклад в «большую» культуру европейского модерна – григорьяновские переводы таких корифеев XX века как Жан Поль Сартр и Альбер Камю – сделали из Ростова вполне различимую точку на современной литературной карте мира.

В середине 70-х у поэта Леонида Григорьяна вышел сборник «Дневник».

А на ближайшем пленуме горкома секретарь по идеологии Пётр Дзюбенко произнёс: *«Ростиздат выпустил в свет антисоветскую книжонку»*.

И всё.

Было срочно созвано правление писательской организации.

Возможность реализации тиража книги полностью исключали Пётр Лебеденко, Михаил Соколов, Ашот Гарнакерыян, Борис Куликов и Михаил Андриасов.

Поколебавшись, к ним присоединились Петроний Гай Амадуни и Александр Суичмезов,

Шестью голосами против четырёх правление утвердило запрет на продажу книги.

И, хотя весной 1976 года откуда-то сверху было спущено «соломоново» решение – выпустить другую книгу Леонида Григорьяна с включением в неё избранного из «Дневника», самому поэту многие пути были перекрыты.

В 2011 году (когда направо и налево печатаются все бездари, графоманы, эротоманы и оппозиционеры) очень трудно решить, что же такое крамольное написал в своём «Дневнике» Григорьян.

К тому же были ведь и 4 голоса «за»! Или это просто игра в *«хорошего и плохого следователя»*, а на самом деле «против» были все члены правления?

И что заставило, конкретно, Александра Суичмезова, быть «против»?

Только ли невозможность разногласий с обкомом партии? Ведь он был членом бюро Ростовского обкома КПСС и депутатом Ростовского облсовета.

Действовал в воспитательных целях – наказать за малое, чтобы не разглядели большего? Или он действительно был убеждён в своей правоте? И почему сначала колебался?

А может быть, тогда – за 10 лет до перестройки – поэт Григорьян и впрямь допустил недопустимое?

Ведь, в общем-то, понятие «диссидент» – комплимент сомнительный; да и синонимом к слову «патриот» не является. А уж к лику героев из числа «диссидентов» можно причислить и вовсе единицы...

А Леонид Григорьян в Союз писателей, новообразованный – российских писателей – всё-таки вступил. В постперестроечное время.

Одним из первых и единогласно.

Жизнь и творчество Леонида Григорьевича Григорьяна – это ещё одна необычная страница из летописи нашего края, и в будущем мы обязательно внесём её в наш летописный свод.

Наверное, очень непросто живётся человеку в должности главного редактора.

Вот напечатал Александр Твардовский солженицынскую повесть «Один день Ивана Денисовича». И с разрешения Никиты Хрущёва напечатал – и всё равно поплатился – и работой, и здоровьем.

Не судите, да не судимы будете...

***

Но вот что пишет нам ученица Валерия Тихомирова:

«Александр Михайлович Суичмезов... Четверть века он возглавлял редакцию газеты «Молот», самой «главной» и популярной в Ростовской области...

Каким он был? Что оставил после себя этот замечательный человек, журналист-эрудит, писатель-краевед, драматург, публицист, педагог по призванию? Нам в наследство он оставил свои книги, пьесы, очерки. А ещё он воспитал не одно поколение газетчиков, которыми и сегодня гордится донская журналистика».

И Тихомирова отмечает, что суичмезовский «редчайший дар руководителя, особенно в творческом коллективе – уметь находить тоненькую, такую трепетную ниточку к душевному состоянию, к творческим возможностям своих коллег, – был ему дан от Бога. Он умел добиваться того, чтобы каждый стремился служить любимому делу целиком, без остатка. И самым красноречивым аргументом был его собственный пример».

***

Александр Суичмезов – автор многих публицистических очерков и зарисовок, он писал о тех, кого хорошо знал, с кем общался, дружил, у кого учился сам: «Классик советской драматургии» – это о Константине Тренёве, «Всё началось в Ростове» – о Николае Погодине, «В краю лазоревых степей» о Михаиле Шолохове...

Вот как характеризует своего собрата по перу Владлен Яковлевич Котовсков:

«Известный журналист, писатель и краевед Александр Михайлович Суичмезов был очарован родным Донским краем с детских лет и на всю жизнь.

Так он и озаглавил – «На всю жизнь» – одну из своих последних книг, вышедшую в «Ростиздате» в 1981 году к его 70-летию.

...А если ты любишь родной донской край, его героическое прошлое, его полноту солнцем, пропахнувшую насквозь чабрецом и донником степь, ты несомненно возьмёшь в руки эту небольшую книжку и не оторвёшься от неё, как от прозрачного степного родника, пока не прочитаешь от корки до корки. Книжка эта называется «Здравствуй, Дон!»

...Много походил по донской земле писатель-журналист Суичмезов – сам уроженец Верхнего Дона. Его глубокие познания по истории Донского края всегда поражают человека, впервые с ним столкнувшегося.

...Автор поставил перед собой скромную цель – несколько пополнить общее знакомство читателей с одним из тех уголков нашей земли, который так ярко и красочно описал и воспел Михаил Александрович Шолохов».

В сборнике «Здравствуй, Дон!» Александр Михайлович обращается к читателю так:

«Мы приглашаем ...мысленно пройти по степным дорогам, по берегам Дона и Северского Донца, каналов и морей, взойти на курганы, побывать в городах, станицах и сёлах Ростовской области. Не будем придерживаться строго очерченных маршрутов – эта книга отнюдь не претендует быть путеводителем, справочником.

В дружеской беседе мы, быть может, иной раз нарушим хронологию, вернёмся к уже пройденным местам, отклонимся от больших дорог, чтобы заглянуть в какой-нибудь малоприметный, но примечательный уголок».

Из таких вот «отклонений» и узнаём мы, например, что в верховьях речки Лихой (правого притока Донца), в пятидесяти километрах от узловой станции Лихая затерялся степной хуторок Белгородцев.

Сейчас его и на карте не отыщешь, а в давние времена проходил тут московский тракт. В Белгородцеве находилась конно-почтовая станция; и однажды зимой, в 1854 году, побывав здесь постольцем, описал эти места в повести «Метель» Лев Толстой.

А ещё узнаем, что, оказывается, художник Илья Ефимович Репин родился на Донце и мечтал на полотне запечатлеть его красоту.

И что в Константиновском районе, – а не близ Азова и не в нынешней Кагальницкой зерноградского района, – стоял Кагальницкий городок, в котором жил Степан Разин.

Останутся в памяти страницы, рассказывающие о воинских частях, прибывших в 1921 году для восстановления шахт Несветая (бывшей собственности Николая Парамонова). Расквартировали их на хуторе Кошкине.

И в сохранившемся до наших дней доме жил тогда комиссар батальона Никита Сергеевич Хрущёв. Некоторые хуторяне ещё помнят и общительного комиссара, и бойцов его батальона.

Глубокая, нежная любовь к родному краю сделала Александра Суичмезова страстным краеведом. И очень талантливым.

Продолжим вынесенную в эпиграф цитату Виталия Александровича Закруткина: *«Чутким ухом внимательного, серьёзного исследователя он улавливал и запечатлевал в памяти самые, казалось бы, неприметные оттенки донских говоров, знал множество казачьих песен, и это всё сказалось на его творчестве».*

Александр Суичмезов – автор 17 книг о Доне.

Названия говорят сами за себя: «Дали донские», «В краю Тихого Дона», «Родная Донщина», «Здравствуй, Дон», «На Северском Донце»...

Возьмите в руки любую – не пожалеете!

А ведь он – не казак.

Он армянин по национальности, но детство его прошло среди казаков в станицах Северского Донца.

Вспоминая те станицы, Александр Михайлович написал книжку, адресованную школьникам младшего возраста, книжку, которая вышла в «Ростиздате» уже после смерти автора.

«Немало нас, таких ребят» – называется эта книга, а подзаголовок – «Страницы далёкого детства». Самые заветные, наверное, они в творческой биографии писателя.

Это – его босоное детство, бескрайняя холмистая степь с запахами полыни и чабреца, тихая речка Беловодка, впадающая в быстрый и широкий Донец.

Нелёгкое и всё же радостное детство своих товарищей-одногодок – юных станичников; их жизнь, совпавшая с бурными годами революции и гражданской. Бандитские пули и голод уносили безжалостно и взрослых, и детей. Никого не минула жестокая классовая борьба на Дону.

Но – несмотря на военный пожар – дети оставались детьми: они весело купались в реке и весело неслись на санках с ледяной горки, сидели за партами и пололи школьные огороды...

Это Саня и Аня Манохины, Виктор Сарвилин, дружки Санька и Жорка... В их судьбах, поступках и словах много правды, этого нельзя выдумать. Запоминаются и образы некоторых взрослых – учительницы Ольги Михайловны, председателя окружного ЧК товарища Акимова, комсомольского вожака Комилина, избравшего себе новую фамилию – Бесстрашный.

...Прошли десятки лет. Автор проездом побывал снова в стороне своего детства.

Многое вспоминалось, о многом узнал заново. Так, сироты Витя Сарвилин и Аня Манохина, достигли высот в творчестве: один – доктор наук, а другая – известная актриса.

Как же всё изменилось в этой станичке!

Жизнь идёт вперёд. Жизнь продолжается...

***

Свою редакторскую ношу Александр Михайлович успешно сочетал с литературным творчеством, он стал известным драматургом, чьи пьесы шли в Ростове, Москве и в других городах страны.

Ещё в 1939 году написал он пьесу «Мы не забыли» – трагический рассказ о борьбе с немецкой оккупацией Дона в 1918 году – и получил одобрительный отзыв известного драматурга Константина Тренёва (с тех пор начнётся их крепкая дружба). В годы Отечественной войны пьесу выпустили отдельной книгой и инсценировали в ряде театров страны.

Драматург Суичмезов вписал не одну яркую страницу в биографию Ростовского академического театра драмы. Благодаря ему ростовские спектакли сначала услышала, а потом увидела вся страна!

Творческое сотрудничество донского театра с донским автором началось в 1957 году – тогда поставили его пьесу «Ранней весной».

В 1963 году спектакль восстановили.

Эта пьесу называли одной из лучших среди пяти его других; она с успехом шла на Кремлёвской сцене, хотя, казалось бы, трудно что-либо прибавить к теме гражданской войны на Дону после шолоховского «Тихого Дона».

Там же, в Москве, произвели звукозапись и транслировали по Центральному радио.

В дальнейшем театр поставил ещё три пьесы Суичмезова.

Спектакль «Свежий ветер» вновь был удостоен показа на сцене Кремлёвского театра.

Записан и показан по Центральному телевидению!

К сожалению, ни до, ни после – в биографии нашего театра таких фактов уже не было.

Автор же был награждён грамотами Министерства культуры СССР и ЦК Союза работников культуры.

1967 год. 50-летие Советской власти ознаменовалось в творчестве Суичмезова новой пьесой «Пусть цветут тюльпаны».

Её также поставил Ростовский театр драмы.

Критики отмечали, что *«это хорошая пьеса и добротный спектакль о событиях на Дону, относящихся к начальному периоду гражданской войны, трагической смерти героев революции Подтёлкова и Кривошлыкова, имена которых никогда не забудутся»*.

А Анатолий Софронов отозвался о «...Тюльпанах» так: *«Наша история, наше прошлое, было, есть и всегда будут дороги людям, живущим сейчас, и тем, кому выпадет счастье жить в будущие времена»*.

Многие ростовчане и сегодня помнят спектакли Александра Суичмезова.

По мотивам этих драматических произведений написан балет «Заря над Доном».

Хотя, сегодня эти вещи, конечно, никто не ставит. Никому они не интересны.
И Суичмезова, как и Софронова, опять же, ругают за подхалимаж...

Но, как результат такого вот творческого содружества (сцена + драматург) в репертуаре Ростовского театра в дальнейшем появилась новая направленность, получившая название «Донская волна» – чему свидетельствуют многочисленные премьеры: «Искры» М. Соколова, «Цыган» А. Калинина, «Матерь человеческая» В. Закруткина, «Честь имею...» Е. Корнилова, «Поднятая целина» и «Тихий Дон» М. Шолохова.

И именно Суичмезов в 1975 году был литературным консультантом на постановке спектакля «Тихий Дон».

Тогда все смеялись: Мишкин Сашка редактирует Сашкиного Мишку.

***

Литератор и журналист Александр Михайлович Суичмезов 24 года возглавлял областную газету «Молот», а 9 последних лет жизни – литературно-художественный журнал «Дон».

Как истинный профессионал, хорошо знал цену и факту, и дружеской записке, и редкому снимку. И особенно бережно он хранил реликвии, свидетельствующие об интересных моментах жизни и творчества великого писателя-земляка.

Встречи с Михаилом Шолоховым – в редакции или в станице Вёшенской – особая страница в жизни Александра Михайловича. Они переросли в творческую и личную дружбу.

Именно к Суичмезову обращался писатель-депутат, если надо было через газету указать чиновникам-бюрократам на их нерадивость и заставить работать.

И Суичмезов печатал шолоховские обращения, и получал положительные результаты!

Например, такое письмо пришло от 79-летней неграмотной женщины:

«...Я полагаю, что Вы в своей книге «Тихий Дон» пишете, что мой сын Кабанов Пётр Иванович станицы Баклановской вместе с отрядом Подтёлкова был расстрелян. Я его мать. Свидетельства о смерти моего сына могила не даёт, а что написано в Вашей книге, собес не хочет верить. Прошу подтвердить, что мой сын был в отряде Подтёлкова и расстрелян. Я полагаю, что Вы какими-то документами пользовались...»

И ответ из собеса после публикации письма в «Молоте»:

«...Исполкомом облсовета назначил Кабановой персональную пенсию местного значения... Справку райсобеса о выплаченной пенсии посылаю почтой».

Работая над второй книгой «Поднятой целины», Шолохов не забывает и родную газету «Молот» и отправляет в неё главы из романа. В одном из писем Суичмезову он просит:

«...Если к Первому мая размахнусь на отрывок, посмотри редакторским глазом, может быть и «Молоту» пригодится. А что касается отдельного куска для родной газеты, – твёрдо помню, но прошу некоего пространства времени».

В архиве Александра Михайловича сохранились страницы машинописного текста глав из второй книги «Поднятой целины». На первой – шолоховский автограф: *«Дорогому Саше Суичмезову с доброй улыбкой. 14. 8. 59».*

А Суичмезов творчеству своего друга посвятил книгу «В краю лазоревых степей».

А вот вышедший к 50-летию образования СССР сборничек «Молодые города Дона», знакомящий с городами, которые выросли за годы советской власти на месте станиц, хуторов, шахтёрских посёлков, очень часто цитируем в своих краеведческих изданиях и мы.

Так что, от Ростовской областной библиотеки для слепых Александру Михайловичу Суичмезову – особый поклон!

***

Он был, как и Анатолий Софронов, делегатом XXII съезда партии.
Долгие годы возглавлял областную организацию журналистов.
Награждён орденами Ленина, Трудового Красного знамени, Дружбы народов, двумя орденами «Знак Почёта», медалями.
Как участник ВДНХ – Большой и Малой золотыми медалями.
Ему присвоено звание Заслуженного работника культуры.

***

И ещё раз – слово Валерии Тихомировой: *«Уже работая позднее в Областном музее краеведения, занимаясь историей литературы Дона, я решила создать фонд писателя и журналиста А. М. Суичмезова. Позвонила Александру Михайловичу.
- Давайте немного подождём. Еду в Москву на съезд писателей. У меня есть материалы, связанные с Михаилом Шолоховым. Вернусь – встретимся.
Не довелось.*

25 января 1986 года его не стало.

А фонд Суичмезова я всё-таки собрала. Только помогала мне в этом уже его вдова, Варвара Фёдоровна.

Уроки нравственности... Если кому-то посчастливилось получить их в молодости от такого Учителя, как Александр Суичмезов, они остаются в человеке до последнего его дыхания, на всю оставшуюся жизнь».

***

...Наш рассказ о тех ростовских издателях мы начали с цитаты родоначальника литературы «социалистического реализма».

Название это, конечно, не особенно удачное: реализм – он просто реализм. Делить его на критический и социалистический – как-то, мягко говоря, слишком надуманно.

Но писатель Максим Горький хороший.

Поэтому давайте и закончим наше повествование ещё одним его наблюдением: *«Когда у меня в руках новая книга, предмет, изготовленный в типографии руками наборщика – этого своего рода героя – с помощью машины, изобретённой – каким-то другим героем, я чувствую, что в мою жизнь вошло что-то живое, говорящее, чудесное».*

Вот и Вы, Уважаемый Читатель, держите сейчас в руках такой предмет.

Пусть и в Вашу жизнь войдёт что-то живое, говорящее, чудесное и сохранится там навсегда.

***

*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Архангельский А. Сурово шумели. // Огонёк. – 2006. – № 3. – С. 41.
Баторгин М. Перед лицом царского самодержавия. М.: «Московский рабочий», 1964.
Будницкий О. «Досье» на Парамонова: от Ростова до Лос-Анджелеса // Иностранец. – 2002. – 5 марта. – С. 2.
Будницкий О. Революция и либералы. М.: «Наука», 1990.
Бусленко Н. Донской след Меркурия. Ростов н/Д: «Феникс», 1999.
Бусленко Н. Ростовское купечество. Ростов н/Д: «Феникс», 1999.
Волошинова Л. Пушкинская улица. Ростов н/Д: Донской издательский дом, 2004.
Государственный архив Ростовской области.
Донской временник. Год 1998. Ростов н/Д: ДГПБ, 1997.

- Калинин А. «Я рифмую эти строки...» // Дон. . – 2010. – № 11-12. – С. 5.
Кожин В. История России. Век XX. М.: «Современник», 1999.
Котовсков В. Наши земляки. Ростов н/Д: ООО «Ростиздат», 2008.
Кошеверова С. Из истории издательского дела на Дону: к 100-летию «Донской речи» Н. Е. Парамонова // Университетская книга. – 2003. – № 6.
Кошеверова С., Тарасова М., Бондарева Т. Каталог издательства «Донская Речь» Н. Е. Парамонова в Ростове-на-Дону. Ростов н/Д: «Эверест», 1999.
Лидин В. Друзья мои – книги. М.: «Современник», 1976.
Люди земли Донской. Ростов н/Д: Омега-Принт, 2008.
Максименко Ю. Михаил Шолохов и «Молот». // Молот. – 1997. – 17 апреля. – С. 3.
Ортенберг Д. Поэзия и проза военных лет. М.: «Советский писатель», 1977.
Перминова Н. Жил-был писатель. // Наше время. – 2006. – 20 января. – С. 4.
Перминова Н. Из копилки... // Наше время. – 2006. – 11 августа. – С. 4.
Петров В. Возвратная сторона. // Дон. – 2010. – № 11-12. – С. 3.
Писатели Дона. Ростов н/Д: Кн. Изд-во, 1986.
Раззаков Ф. Звёздные трагедии: загадки, судьбы и гибели. М.: «ЭКСМО», 2001.
Скрёбов Н. Под знаком Суичмезова. // Молот. – 1997. – 14 апреля. – С. 4
Софронов А. Сочинения. М.: «Молодая гвардия», 1982.
Суичмезов А. Избранное. Ростов н/Д: «Донской издательский дом», 2001.
Тихомирова В. И это всё о нём. // Молот. – 2001. – 17 августа. – С. 1.
Тихомирова В. На всю оставшуюся жизнь... // Молот. – 2006. – 18 августа. – С. 1.
Швецов С. В старом Ростове. Ростов н/Д: Кн. Изд-во, 1979.
Шолохов М. А. Высокая честь – творить для народа. // Литературная газета. – 1955. – 29 марта. – С. 1.

<http://kkre-49.narod.ru/p/sofronov.htm>
http://mars.udsu.ru/cgi-bin/cls/journal_content?5360
http://scripts.online.ru/misc/newsreg/00/04/07_177.htm
<http://ub.infohost.ru/?p=77>
<http://sovmusic.ru/person.php?idperson=77>
http://www.ireland.ru/compatriot/London_Budnitskiy.html
<http://www.inostranets.ru/cgi-bin/materials.cgi?id=10868&chapter=10>
http://www.gorodn.ru/archive/446/5_2.htm
<http://www.novoshahtinsk.ru/page/rus/3/>
<http://www.relga.rsu.ru/n22/don22.htm>
<http://www.rostov50.ru/>
<http://www.shakht.ru/site/town/history.php?id=2>

Книга «Ростов-город, Ростов-Дон...» рассказывает о жизненном пути трёх известных ростовских издателей. Это писатели Анатолий Софронов и Александр Суичмезов и предприниматель Николай Парамонов.